PG3458
.Z8
F42
1901

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00011462883

ФИДЕЛЬ

НОВАЯ КНИГА О ЧЕХОВѢ

(ложь въ его твореніяхъ)

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/novaiaknigaochek00fidl

ee C
PG3458
.Z8
F42
1901

ФИДЭЛЬ.

Новая книга о Чеховѣ.

(Ложь въ его творчествѣ).

THE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

NOVAIA KNIGA O CHEKHOVE

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Т-ва „Грамотность“, Невскій 82.

„Какое благотворное вліяніе имѣетъ вѣра въ человѣка, вѣра, которая вѣдь не остается мертвой; она воспитываетъ въ насъ великодушныя чувства и всегда побуждаетъ любить и уважать каждаго человѣка, каждаго! А это важно...“

Чеховъ, Разсказъ стараго садовника.

„Я, голубчикъ, не понимаю и боюсь жизни“.

Чеховъ, Соч. т. VI. стр. 234.

„Только тѣ произведенія литературы и велики, которыя черезъ призму творческой личности художника преломляютъ жизнь во всей ея полнотѣ.“

„Природа существа не въ томъ или иномъ моментѣ его развитія, а въ цѣли, къ которой оно стремится.“

Аристотель.

„Если я писатель, то я обязанъ говорить о народѣ, объ его страданіяхъ, объ его будущемъ“..

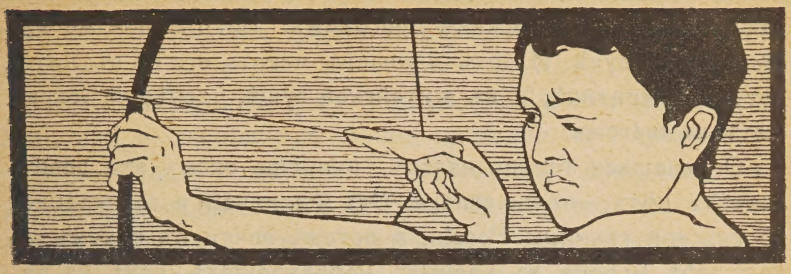
(Чеховъ, Чайка).

„Дѣлаемъ, что можемъ, а если человѣчеству не угодна наша служба, то ну его къ ляху!“

(Изъ письма Чехова къ И. Л. Щеглову).

„Какъ репортеры пишутъ свои замѣтки о пожарахъ, такъ я писалъ свои разсказы машинально, полубезсознательно, нимало не заботясь ни о читателѣ, ни о самомъ себѣ.“

(Письмо Чехова къ Григоровичу).



Отъ автора.

Девятнадцать лѣтъ я, молча, слѣдилъ за развитіемъ литературнаго творчества А. П. Чехова и за отношеніемъ къ нему нашей критики и нашего общества. И девятнадцать лѣтъ тому назадъ, какъ и теперь, какая то упрямая извилина моей души и моего сознанія не мирилась ни съ чеховскимъ взглядомъ на жизнь и ея изображеніемъ, ни съ оцѣнкой этого взгляда. Больше того, я ощущалъ здѣсь нелѣпость.

Но что я могъ тогда, юноша, съ моимъ голымъ, почти инстинктивнымъ еретичествомъ, противупоставить „большому художнику“ и его судьямъ? Я могъ только крикнуть: „не вѣрю!“ И этимъ крикомъ не разрѣшилъ бы своихъ собственныхъ сомнѣній. А сомнѣнія эти были велики и коренились они въ *руководящей идеѣ* чеховскаго творчества; такова ли дѣйствительно жизнь, какъ понимаетъ и изображаетъ ее Чеховъ, и такова ли, въ частности, Россія?

Только подъ этимъ угломъ зрѣнія я и оцѣнивалъ Чехова, оставаясь къ остальному равнодушенъ.

Правъ Чеховъ или не правъ?—для меня это былъ вопросъ огромной и болѣе чѣмъ литературной важности. Его рѣшеніемъ обусловливался тогда весь укладъ моей

личной жизни, моихъ вѣрованій, стремленій, идеаловъ и даже чисто практическихъ программъ. Но рѣшеніе не висѣло въ воздухѣ. И вотъ я пошелъ искать его не въ литературной критикѣ, а въ житейской гущѣ, провѣряя Чехова шагъ за шагомъ.

Оглянешься теперь назадъ, окинешь окомъ эти девятнадцать лѣтъ,—точно сказка. Отъ Финляндіи и до турецко-персидской границы Россія, а потомъ почти въ такомъ же масштабѣ Европа, въ разныхъ направленіяхъ, какъ на ладони.

Мелькаютъ въ умѣ міровые центры, столицы, губернскіе и уѣздные города, заводскія поселенія, деревенская глушь, курорты, монастыри; калейдоскопъ лицъ, характеровъ, темпераментовъ; длинная скала профессій и общественныхъ положеній — отъ родовой знати и денежныхъ тузовъ до ночлежныхъ домовъ и богадѣленъ.

Иду за Чеховымъ шагъ за шагомъ, едва, впрочемъ, поспѣвая, ибо онъ торопится, скользитъ по поверхности, я же внѣдряюсь въ глубину,—тамъ сущность вещей и отношеній: вотъ дворянство, съ традиціями, съ особымъ классовымъ самосознаніемъ, вотъ купечество, тамъ мѣщанство, „мужики“, духовенство, курсистки, студенты, чиновники, проститутки, лица неопредѣленныхъ состояній и положеній и проч.

Со всѣми ими я дышалъ однимъ воздухомъ и не какъ чужакъ, а честно и любовно залазилъ къ нимъ въ душу, ибо душа-то для меня и представляла самую цѣнную искомую величину.

Пришлось увидѣть и перечувствовать многое и разное—дурное и хорошее.

А когда сталъ суммировать и сопоставлять, то хорошаго оказалось больше. Хорошаго по содержанію, а не только по формѣ, не только явно, но и скрыто.

Въ Россіи я видѣлъ огромныя потенціальныя силы, видѣлъ чудную дѣтскую душу, видѣлъ вездѣ человѣка. Передать сильнѣе то, что я видѣлъ,—не могу.

А наряду съ этимъ меня нещадно хлестала изъ рукъ вонъ плохая *техника* нашей русской жизни. Но *техника*, а не *духъ*.

Вѣдь, право, эти два начала необходимо различать; Христосъ и Леонардо-да-Винчи, несмотря на изумительно плохую технику современной имъ обоимъ жизни, стали выразителями величія духа. И самая геніальность ихъ обоихъ есть ни что иное, какъ способность черезъ пленку обыденщины разглядѣть великое, высокое и сильное.

Въ причинной связи явленій техника всегда была и будетъ результатомъ велѣній духа, а не наоборотъ.

Такъ и у насъ: техника жизни—весь практическій обиходъ нашего быта, — несовершенна, но духъ и инстинктъ жизни имѣются на лицо.

И вотъ когда эта мысль, скристаллизовавшись, проникла все мое существо, и когда я почувствовалъ, что до гробовой доски отъ нея не отрекусь, я сказалъ себѣ: вопросъ разрѣшенъ,—за Чеховымъ я не пойду!

И перваго октября 1905 года я началъ писать эту книгу. Прошло пять лѣтъ, исключительныхъ для нашей родины по важности событій, — необычайный подъемъ настроеній смѣнился будто бы упадкомъ, а я, ни на минуту не покидая передовыхъ позицій и глядя на далекій огонекъ, продолжалъ твердить: за Чеховымъ я не пойду!

Эта книга. Я не сказалъ въ ней и сотой доли того, что имѣлъ и хотѣлъ бы сказать. Недосугъ рабочему человѣку. Да и едва ли есть нужда въ многословіи: важна идея, важны вѣхи, остальное приложится.

Тѣхъ людей, которые подходили къ оцѣнкѣ Чехова не съ того конца, съ какого подошелъ я, все равно въ мою вѣру не обратишь. Хотя моя вѣра тутъ и не причемъ: важна вѣра вообще; кто ее имѣетъ, тотъ только по недоразумѣнію пойдетъ за Чеховымъ.

Во всякомъ случаѣ моя книга необходима, — безъ нея въ критической литературѣ о Чеховѣ оставался бы значительный и вредный пробѣлъ. Большинству же нашихъ про-

фессіональныхъ критиковъ она поможетъ освободиться отъ своихъ „футляровъ“.

Я могъ опубликовать эту книгу въ полосу наивысшаго напряженія дерзкой и даже задорной вѣры русскаго общества въ свои силы, въ полосу необычайно высокаго подъема общественныхъ настроеній. И это была бы литературная спекуляція. Это противно. И я опубликовываю свою книгу въ періодъ „упадка“.

Введеніе.

Вы прочли, внимательно и вдумчиво, полное собраніе сочиненій А. П. Чехова и спрашиваете: „гдѣ я?“ Вамъ отвѣчаютъ: „въ Россіи“. Это жизнь—сѣрая, скучная, безцвѣтная, безвкусная, холодная, мрачная и ненужная — стопятидесятимилліоннаго народа, имѣющаго свою исторію, свои преданія, свой эпосъ. Это жизнь ваша и вашихъ ближнихъ. Это вы и ваши ближніе представляете обнаженную картину зоологическаго состоянія, картину омертвѣлаго царства обыденщины и обывательщины. Это ваша жизнь—сплошная и скучная безсмыслица, пустая и глупая шутка, въ которой „нѣтъ ни нравственности, ни логики, а одна только случайность“.

Это вы создали торжество пошлости, мелочности, жестокой безсмыслицы, тупой скуки и безнадежной тоски. Вы, а не вашъ сосѣдъ.

Это вы создали „бездушную, холодную атмосферу заѣдающей власти дѣйствительности, которая своимъ леденящимъ дыханіемъ убиваетъ всякое проявленіе сознательной жизни, личной иниціативы, оригинальности и человѣчности“. Это вы мѣшаете построить иную жизнь,—не по вѣковому шаблону, — сдѣлать ее свѣтлой, прекрасной, изящной. Вы, а не вашъ сосѣдъ. Вы ничѣмъ не лучше его. Это вы—человѣкъ нѣжной и хрупкой организаціи, съ постоянной готовностью ныть и жаловаться на свою судьбу, но безъ всякой выдержки *). Вы хватаетесь за револьверъ или за

*) Перефразирую Андреевича, см. его книгу о М. Горькомъ и А. П. Чеховѣ.

стаканъ водки всякій разъ, какъ жизнь требуетъ отъ васъ рѣшительнаго поступка. Вы совсѣмъ не работникъ, у васъ ясно выраженная болѣзнь воли, растерянное міросозерцаніе и какой то органическій испугъ передъ жизнью.

Вы не способны протестовать, вы ничего не ищете, вы только томитесь своимъ нравственнымъ безсиліемъ, своей ненужностью и нудностью.

Такимъ васъ срисовалъ съ натуры большой художникъ; критики посмотрѣли на вашъ портретъ и сказали: „поразительное сходство!". А художника назвали объективнымъ; онъ-де вполнѣ отрѣшился отъ личнаго отношенія къ воспроизводимой имъ дѣйствительности.

Этотъ большой художникъ—Чеховъ. Онъ, по признанію критики, охватилъ самые далекіе горизонты окружающей его тоскующее „я" дѣйствительности, и вездѣ все та же сѣрая, тусклая и будничная жизнь, та же жестокая безсмыслица и давящая скука.

Напрасно мы стали бы искать въ произведеніяхъ Чехова положительныхъ типовъ, положительныхъ, отрадныхъ явленій, утѣшительныхъ перспективъ. Надъ всей его литературой нависъ густой мракъ, и не видно сквозь него ни единаго луча солнца! Художникъ погасилъ его въ своихъ глазахъ и въ своемъ сердцѣ раньше, чѣмъ угасъ его больной взоръ.

Все то немногое положительное, что мы найдемъ въ произведеніяхъ Чехова, умираетъ, отрицательное неизмѣнно остается жить. Молодой Трепловъ,—единственная свѣтлая личность въ комедіи „Чайка", кончаетъ жизнь самоубійствомъ.

У Чехова всегда выходитъ, что и тѣ немногіе порядочные люди, которыхъ онъ зналъ и изображалъ, либо сумасшедшіе, либо все таки сознающіе безцѣльность своей жизни.

И вотъ русскій читатель, привыкнувъ къ тому, что наша литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто художественныхъ интересовъ, а всегда была каѳедрой, съ которой раздавалось учительное слово, сталъ смотрѣть и на

произведенія Чехова, какъ на каѳедру, сталъ учиться плевать въ свою собственную физіономію.

Вѣдь быть „*учительной*“ — исконное, традиціонное стремленіе русской художественной литературы.

Чему же въ самомъ дѣлѣ *учитъ* Чеховъ своего читателя?

Каковъ нравственный и соціально-политическій идеалъ этого художника, съ высоты котораго онъ расцѣниваетъ дѣйствительность?

Куда онъ зоветъ читателя, гдѣ видитъ выходъ изъ того міра (пошлости), который изображается въ его произведеніяхъ? Вотъ любопытные вопросы.

Проф. С. Н. Булгаковъ въ своей петербургской лекціи о Чеховѣ сказалъ, что духовный капиталъ, оставленный намъ Чеховымъ въ его произведеніяхъ, еще не получилъ надлежащей оцѣнки, и въ пониманіи общаго смысла его литературной дѣятельности существуетъ большая неясность и разногласіе.

Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что разногласіе въ оцѣнкѣ Чехова имѣется на лицо, я скажу, что это разногласіе могло бы быть еще значительнѣе, если бы умаленіе литературныхъ заслугъ Чехова не было объявлено чуть ли не святотатствомъ.

Относиться неодобрительно къ произведеніямъ Чехова, хотя бы къ тому имѣлись весьма вѣсскія основанія, называется у насъ „возводить кощунственную хулу на художника“,

Еще при жизни Чехова, когда онъ былъ въ полномъ смыслѣ кумиромъ читателя, появилась книжка Качереца, низводившая его на степень посредственнаго писателя, вялаго, скучнаго, не умѣющаго быть забавнымъ, „самаго убійственнаго“, судя по тому изобилію трагическихъ развязокъ, какое отличаетъ его сочиненія.

Беллетристъ Н. Ежовъ, въ его „Опытѣ характеристики Чехова“, напечатанномъ въ августовской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1909 г., переоцѣниваетъ Чехова не столько какъ писателя, сколько какъ человѣка, хотя и ли-

тературныя достоинства умаляются Ежовымъ въ значительной степени.

Лично меня „Опытъ характеристики“ Ежова совершенно и никакъ прямо не затронулъ. Но косвенно въ его опубликованіи я усмотрѣлъ огромный интересъ: мнѣ любопытно было наблюдать, какъ отнеслись къ нему присяжные критики.

Вотъ что пишетъ по этому поводу одинъ изъ нихъ: „пощадите насъ (г. Ежовъ) съ вашей высшей справедливостью и оставьте намъ нашъ возвышающій обманъ. Пусть образъ, какой мы создали по сочиненіямъ Чехова, нѣсколько идеализированъ. Но оставьте намъ этотъ красивый образъ неомраченнымъ... Позвольте намъ видѣть въ немъ прекрасное и забыть его темное“...

Такимъ образомъ, всякое стремленіе, всякая попытка пролить истинный свѣтъ на личность и творчество писателя завѣдомо встрѣчаются недружелюбно. Это какъ-будто уже возвращаетъ насъ къ днямъ экзальтированной вѣры въ авторитеты, обращая самыя симпатіи къ личности въ особый священный культъ.

Казалось бы, что парализовать свободу критики вовсе не къ лицу профессіональныхъ критиковъ, а между тѣмъ выходитъ такъ...

С. Венгеровъ говоритъ, что пора упрековъ по адресу Чехова миновала.

Отчего?...

Я совершенно не склоненъ раздѣлять съ г. Венгеровымъ его прекрасное благодушіе и утверждаю, что яркая формулировка такихъ упрековъ, сдѣланная въ свое время Н. К. Михайловскимъ, вполнѣ сохранила свою силу. „Чеховъ,—говорилъ Михайловскій,—съ одинаковымъ хладнокровіемъ направляетъ свой превосходный художественный аппаратъ на ласточку и самоубійцу, на муху и слона, на слезы и воду“.

Я иду дальше покойнаго Михайловскаго хотя, впрочемъ, не по пути упрековъ. Ихъ съ успѣхомъ замѣнитъ анализъ.

Анализируя, я радикально расхожусь въ оцѣнкѣ Чехова почти со всѣми нашими литературными критиками. И это обстоятельство меня нисколько не смущаетъ: въ письмахъ Чехова я нашелъ два замѣчательныхъ мѣста:

„Всѣ нынѣшніе гг. критики не стоютъ и гроша мѣднаго—въ высшей степени безполезный народъ...“

„Когда я читаю критику, то прихожу въ нѣкоторый ужасъ: неужели на земномъ шарѣ такъ мало умныхъ людей, что даже критики писать некому. Удивительно все глупо, мелко до пошлости“.

Отозвавшись такимъ образомъ о представителяхъ профессіональной критики, Чеховъ какъ бы сказалъ: оцѣнивайте меня серьезнѣе, глубже и строже, а не пересказывайте только своими словами моихъ мыслей.

Чеховъ и его болѣзни.

Необходимо твердо помнить, что среди группы человѣческихъ чувствованій, которыя обыкновенно считаются величайшими благами жизни, на первомъ мѣстѣ стоитъ здоровье и обусловленная имъ свобода дѣйствій и даже свобода воспріятій.

Говоря о Чеховѣ, мы видимъ, что, съ одной стороны, природа надѣлила его не малымъ художественнымъ дарованіемъ, а, съ другой,—дала ему и ужасную болѣзнь.

Это послѣднее обстоятельство всегда игнорировалось нашей критикой. Было ли тутъ причиной сознательное замалчиваніе или простое неумѣніе поставить въ причинную связь духовный обликъ человѣка, вообще, и художника въ частности, со свойствами его физической природы,—не знаю, хотя думаю, что было и то, и другое.

Между тѣмъ, стоитъ только обратиться къ физіологіи, и она вамъ объяснитъ истинные источники писсимистическаго настроенія цѣлаго ряда философовъ условіями ихъ личной жизни (напримѣръ, слѣпота Дюринга, параличъ Гартмана и т. д.).

Такъ и съ Чеховымъ: его затяжная болѣзнь самымъ непосредственнымъ образомъ отражалась на его настроеніяхъ и на всемъ его творчествѣ.

Въ виду огромной важности этого вопроса я далъ себѣ трудъ сдѣлать выборки изъ писемъ Чехова, которыя, будучи расположены въ хронологическомъ порядкѣ, нарисуютъ намъ, со словъ самого Чехова, исторію его болѣзни за двадцатилѣтній періодъ времени.

Вотъ что пишетъ Чеховъ:

1884 г.

„*Боленъ... Здоровье негодное...* Мечталъ къ празднику побывать въ Питерѣ, но задержало *кровохарканіе*".

10. II. 1889 г.

„У меня разыгрался генеральный *геморрой*, отъ котораго я теряю не мало крови".

31. V. 1889 г.

„Я теперь, кажется, способенъ писать *только скучно*".

9. XI. 1891 г.

„Я *очень боленъ*. У меня жаръ, ознобъ, слабость, всего разломило".

14. XII. 1891 г.

„Мнѣ *скучно* и *скверно*. Обыватели опротивѣли".

„Поѣхалъ бы (въ Нижегородскую губ.), да держитъ *инфлуэнца*... Совсѣмъ изломала меня, я *кашляю* и *худѣю* и, какъ говорятъ, сталъ походить физіономіей на утопленника".

24. X. 1892 г.

„Старость или *мынь жить*, не знаю что..."

9. V. 1894 г.

„*Кашляю*, но меньше, чѣмъ въ Ялтѣ".

14. II. 1895 г.

„*Кашляю*, иногда донимаютъ *перебои сердца*... Желаю вамъ всего хорошаго, а главное—здоровья и хорошаго настроенія".

8. III. 1896 г.

„У меня опять *болитъ правый глазъ*, а съ нимъ за компанію и *правый високъ*.

13. X. 1896 г.

„Я денька три *потлевалъ кровью*".

1897 г.

„*Раскисъ* я совсѣмъ".

24. I. 1897 г.

„У меня *болитъ правая лопатка* и то пространство, которое у архіереевъ называется междукрыліемъ, т. е. мѣсто между лопатками. *Больно повернуть шею*".

29. III. 1897 г.

„*Кровь все еще течетъ*“.

5. IV. 1897 г.

„Мое здоровье *не поправилось*“.

17. IV. 1897 г.

„До праздника недѣли двѣ я лежалъ въ клиникѣ проф. Остроумова, *кровохаркалъ*; доктора опредѣлили верхушечный процессъ въ легкихъ“.

2. V. 1897 г.

„Я каждый мартъ понемногу плевалъ кровью, въ этомъ же году *кровохарканье затянулось*. Пришлось лечь въ клинику, здѣсь нашли у меня въ *обоихъ верхушкахъ хрипы, выдыхъ и притупленіе въ правой*. Лежалъ я въ клиникѣ 15 дней, *кровь шла около 10 дней... Впрыскиваю въ себя мышьякъ*.“

23. VI. 1897 г.

„*Покашливаю*“.

20. XI. 1897 г.

„Я живу не тамъ, а уже этажомъ ниже; перебрался во время *кровохарканія*“.

4. XII. 1897 г.

„Перебрался этажомъ ниже, потому что *подниматься мнѣ не легко*“.

19. I. 1899 г.

„Я живъ, *почти здоровъ, бываю боленъ*“.

16. IV. 1899 г.

„Бациллы отошли на второй планъ, теперь приходится возиться съ *геморроемъ* и *катарромъ кишекъ*, который истощаетъ меня и придаетъ мнѣ постническое выраженіе“.

29. XII. 1901 г.

„Былъ *нездоровъ* мѣсяца полтора“.

Мартъ 1902 г.

„Влачу жизнь *нездоровую*“.

1902 г.

„Всю зиму здоровье было *скверно*“.

8. VI. 1902 г.

„*Если позволитъ здоровье*, буду работать“.

23. VI. 1902 г.

„Кашель сталъ слабѣе, но все же домой я вернусь съ тѣмъ, что и было у меня, т. е. *съ притупленіемъ ниже ключицы*... Пью кумысъ, но дальше четырехъ бутылокъ не пошелъ, мѣшаетъ *разстройство желудка*".

4 VI. 1903 г.

„Былъ я у проф. Остроумова. Онъ нашелъ у меня *эмфизему, дурное правое легкое, остатки плеврита* и проч., и проч.".

20. IV. 1904 г.

„У меня *разстройство кишечника* и *кашель*, и это тянется уже нѣсколько недѣль".

13. V. 1904 г.

„Я давно уже въ Москвѣ, не былъ же у васъ потому, что *нездоровъ, не встаю съ постели*; у меня *катарръ кишекъ, плевритъ*, при этомъ высокая температура".

Безъ обозначенія даты.

„У меня полтора мѣсяца была *инфлуэнца*, было *осложненіе со стороны легкихъ*, и я *жестоко кашлялъ*. Въ мартѣ уѣзжаю на югъ и буду жить тамъ до тѣхъ поръ, пока не прекратится мой кашель".

„*Нервы разстроены ужасно*, такъ что пульсъ мой бьетъ съ перебоями".

„*Не боленъ и не поправляюсь*, а такъ, какъ полинявшая рыба въ акваріумѣ".

„Вы совершенно вѣрно изволили замѣтить, что у меня истерія... Только моя истерія въ медицинѣ называется *чахоткой*".

Попытаемся теперь дать сводку всѣхъ этихъ показаній больного. Оказывается, что съ 1884 года Чехова *систематически* угнетали различные недуги. То онъ жалуется на общее плохое состояніе и на кровохарканіе, то его донимаетъ „генеральный" геморрой, то у него слабость, ему скучно и скверно, Чеховъ худѣетъ и кашляетъ, у него инфлуэнца, ему лѣнь жить, его донимаютъ перебои сердца, онъ снова и снова кашляетъ, болитъ правый глазъ и пра-

вый високъ, плюетъ кровью, раскисъ, болитъ правая лопатка, больно повернуть шею, течетъ кровь, въ обѣихъ верхушкахъ легкихъ хрипы, выдыхъ, онъ впрыскиваетъ въ себя мышьякъ, снова кашляетъ, ему трудно подниматься по лѣстницѣ, его истощаетъ катарръ кишекъ и снова мучитъ геморрой, жалуется на общее скверное состояніе, его работоспособность ограничена самочувствіемъ, у него притупленіе ниже ключицы и снова разстройство желудка, эмфизема, дурное правое легкое, плевритъ, снова разстройство кишечника и снова кашель, катарръ, инфлуэнца, разстроены нервы, перебои—и такъ все въ этомъ же родѣ на протяженіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ, при чемъ какъ разъ съ этимъ періодомъ времени совпадаетъ безпросвѣтная полоса художественнаго творчества Чехова.

Въ одномъ изъ писемъ къ А. Н. Плещееву Чеховъ самъ себя откровенно называетъ *„нытикомъ“* и *„дохленькимъ* литераторомъ“.

Я не знаю, что сказали бы умные и искренніе врачи, сопоставляя литературу Чехова съ его затяжными болѣзнями, но для меня ни на минуту не возникаетъ сомнѣнія въ тѣснѣйшей зависимости первой отъ второй. Я слишкомъ часто наблюдалъ, какъ оцѣнка того или иного внѣшняго объекта слагается у человѣка подъ вліяніемъ его самочувствія. И я нахожу это совершенно естественнымъ и закономѣрнымъ, и этой общей закономѣрности не избѣгъ Чеховъ, ибо онъ прежде всего человѣкъ, а затѣмъ уже художникъ.

Посмотрите, какъ реагировалъ Чеховъ на внѣшній міръ, когда онъ бывалъ временами здоровъ:

„Ночи теплыя, чудныя, соловьевъ пропасть. Линтваревы всѣ пополнѣли и стали еще добрѣй, чѣмъ были въ прошломъ году. Пожилъ бы до іюня на Лукѣ, а потомъ въ Парижъ къ француженкамъ, а изъ Парижа въ Тифлисъ къ грузинкамъ и этакъ бы канителился до самой осени, пока бы не обнищалъ совершенно... Люди здѣсь прекрасные во всѣхъ отношеніяхъ“.

Посмотрите также, какъ самъ Чеховъ объяснялъ въ людяхъ ихъ бодрость и жизнерадостность:

„У насъ три недѣли гостила Наташа Линтварева. Стѣны нашего комодообразнаго дома дрожали отъ ея раскатистаго смѣха. *Завидное здоровье и завидное настроеніе.* Пока она у насъ жила, въ нашей квартирѣ даже въ воздухѣ чувствовалось присутствіе чего-то здороваго и жизнерадостнаго"...

И *здоровому* Чехову были вовсе не чужды все яркое, бодрое и веселое:

А у больного Чехова не было этого завиднаго настроенія, не было и жизнерадостности. Въ одномъ изъ писемъ Чехова между прочимъ читаемъ:

28. VI, 1888 г.

„Были мы,—пишетъ Чеховъ,—въ Полтавской губ. Были и у С—гиныхъ и въ Сорочинцахъ Ѣздили мы на четверикѣ, въ дѣдовской, очень удобной коляскѣ. Смѣху, приключеній, недоразумѣній, остановокъ, встрѣчъ по дорогѣ было многое множество. Все время навстрѣчу попадались такіе чудные, за душу хватающіе пейзажи и жанры, которые поддаются описанію только въ романѣ или въ повѣсти, но никакъ не въ короткомъ письмѣ. Ахъ, если бы вы были съ нами и видѣли нашего сердитаго ямщика Романа, на котораго нельзя было глядѣть безъ смѣха, если бы вы видѣли мѣста, гдѣ мы ночевали, восьми и десяти-верстныя села, которыми мы проѣзжали, если бы пили съ нами поганую водку, отъ которой отрыгается, какъ послѣ сельтерской воды. Какія свадьбы намъ попадались по пути, какая чудная музыка слышалась въ вечерней тишинѣ и какъ густо пахло свѣжимъ сѣномъ. То есть, душу можно отдать нечистому за удовольствіе поглядѣть на теплое вечернее небо, на рѣчки и лужицы, отражающія въ себѣ томный, грустный закатъ... Жаль, что васъ не было. Ѣли мы и пили каждые полчаса, не отказывали себѣ ни въ чемъ, смѣялись до коликъ"...

А потомъ...

„Сегодня бенефисъ Давыдова. Будетъ душно, тѣсно и шумно. Послѣ спектакля я всю ночь буду кашлять".

Читатель видитъ изъ этой выдержки, что у Чехова самыя предвкушенія грядущаго удовольствія отравлялись ощущеніемъ его болѣзни.

„Мрачную роль играло для самочувствія Чехова еще и его докторство; онъ діагнозировалъ себя, подсматривалъ за процессомъ своей болѣзни, комбинировалъ лѣкарства и какъ бы прислушивался къ дыханію вампира, сосавшаго его кровь".

Вотъ теперь суммируйте всѣ выводы изъ документовъ этой главы, и вамъ станетъ понятной душевная скорбь Чехова.

Ложь въ творчествѣ Чехова есть ложь чисто *органическая*.

Пессимизмъ Чехова.

„Тамъ, гдѣ встрѣчаются утонченное чувство бѣдствій жизни и пылкое воображеніе идеальныхъ благъ и въ то же время относительная слабость активныхъ побужденій и практическаго смысла, тамъ имѣется огромная вѣроятность, что недостатокъ равновѣсія выразится пессимистическимъ взглядомъ на жизнь" *).

Вообще же пессимизмъ нужно разсматривать, какъ слѣдствіе причинъ, скрытыхъ въ нашемъ внутреннемъ строеніи. Пессимизмъ есть одновременно и патологическій и умственный феноменъ. Когда онъ доводится до крайности, онъ указываетъ на тяжкія измѣненія въ нервной системѣ, на явную или скрытую тяжкую болѣзнь.

Говоря о пессимистическомъ настроеніи Чехова, весьма умѣстно вспомнить слова Леопарди: „источникъ скорбныхъ мыслей если не всегда, то очень часто кроется въ несчастьяхъ частныхъ или случайныхъ писателя".

---

*) *James Sully,* Pessimism, a history and a criticism.

Литературные критики хотя очень неохотно, но всетаки признаютъ, что въ молодомъ (читай: здоровомъ) Чеховѣ не было скептическаго пессимизма, а преобладали веселость и вѣра.

Потомъ Чеховъ застылъ въ позѣ безнадежнаго полугероическаго пессимизма. (О его предрасположеніи къ пессимизму говоритъ и г. Волжскій).

Поскольку же намъ приходится считаться съ меланхоліей Чехова, мы должны помнить, что меланхолическій темпераментъ происходитъ отъ непропорціональности между силою эмоціи и силою произвольныхъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова) движеній, эффектовъ; впечатлѣнія, будучи весьма живы и многочисленны, накопляются, такъ сказать, капитализируются въ нервной системѣ, вслѣдствіе невозможности быть израсходованными надлежащимъ образомъ *).

Писательство же, само по себѣ, есть только объективація жизни, но не сама жизнь.

Пессимизмъ Чехова, поскольку онъ обусловливался не многочисленными и тяжкими его недугами, а работой его мысли, сосредоточивался именно на томъ бытѣ, который онъ изображалъ. Это, такъ сказать, мѣстный пессимизмъ, въ содержаніи котораго преобладающую роль играли вещи, а не идеи. Это не пессимизмъ Сакья-Муни выраженный въ абсолютной и міровой формулѣ: „о, если бы я могъ, я охотно принесъ бы человѣчеству свѣтъ! Еслибы я самъ былъ свободенъ, я освободилъ бы міръ! О, горе юности, которую должна разрушить старость; горе здоровью, которое губится столькими болѣзнями; горе жизни, въ которой человѣкъ такъ краткодневенъ. О, еслибы не было ни старости, ни болѣзни, ни смерти!“

Пессимистъ-Чеховъ брюжжалъ въ Россіи; съ одинаковымъ успѣхомъ онъ брюжжалъ бы въ Германіи, упрекалъ бы каждаго нѣмца въ мелкомъ плаваніи, высчитывалъ бы количество ежедневно выпиваемыхъ литровъ пива, вы-

*) См. Генле, Лекціи по антропологіи.

смѣивалъ бы нѣмецкую женщину и т. д. и т. д. Наѣзжая, въ качествѣ туриста, эпизодически, заграницу, онъ, можетъ быть, этого и не дѣлалъ, но на мѣстѣ нѣмецкаго беллетриста онъ, навѣрно, повторилъ бы себя по русскому образцу.

Таковы ужъ были на немъ очки.

Творческая мысль Чехова была рабски прикована къ вещамъ; всю жизнь онъ писалъ съ натуры, глядя на нее сквозь неправильныя очки; получалась фальшь, натура извращалась, и, повѣрьте, самъ писатель въ концѣ концовъ это инстинктивно чувствовалъ.

Міросозерцаніе и направленіе Чехова.

„Отсутствіе опредѣленнаго міросозерцанія, опредѣленныхъ требованій и взглядовъ у Чехова—вотъ отличительное свойство его творчества“ *).

„Я давно уже печатаюсь, напечаталъ пять пудовъ разсказовъ, но до сихъ поръ еще не знаю, въ чемъ моя сила и въ чемъ слабость“,—говоритъ самъ о себѣ Чеховъ, и мы не имѣемъ основанія ему не вѣрить.

То, что принято у насъ называть „идейнымъ творчествомъ“, т. е. желаніе въ художественной формѣ выразить общественное (и свое) міросозерцаніе, чуждо Чехову.

Не нужно даже знать интимную біографію Чехова, чтобы убѣдиться, что пору такъ называемаго „идейнаго броженія“ онъ никогда не переживалъ.

На всемъ пространствѣ его сочиненій вы не найдете ни одного описанія студенческой сходки или тѣхъ принципіальныхъ споровъ до бѣла дня, которые такъ характерны для русской молодежи

„Въ Чеховѣ никогда не было тѣхъ динамитныхъ элементовъ, которые называются страстями и захватываютъ

*) Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона.

человѣка, какъ налетѣвшій ураганъ,—говоритъ П. А. Сергѣенко въ своихъ воспоминаніяхъ о Чеховѣ.

Въ его характерѣ не было острыхъ выступовъ, за которые могла бы уцѣпиться какая-нибудь страсть.

Чеховъ никогда не былъ ни честолюбцемъ, ни игрокомъ, ни рабомъ спорта, ни игралищемъ женской любви.

Чеховъ никогда не давалъ себя уносить никакому теченію, а всегда былъ съ якоремъ, всегда съ компасомъ и всегда самимъ собой".

Если Чеховъ, насилуя себя, и сталъ поверхностно интересоваться идейной стороной русской жизни, то это случилось въ ту пору, когда воспріимчивость слабѣетъ, и „опытъ жизни" дѣлаетъ и самыя пылкія натуры нѣсколько апатичными въ поискахъ міросозерцанія.

Ставъ лѣтописцемъ и бытописателемъ духовнаго оскудѣнія и измельчанія нашей интеллигенціи (такъ нужно бы смотрѣть на его литературное призваніе), Чеховъ самъ не примыкалъ ни къ одному опредѣленному направленію. Одновременно онъ былъ близокъ и къ „Новому Времени„ и къ „Русской Мысли." Люблю Суворина и Михайловскаго,—говорилъ о себѣ самъ Чеховъ.

„Вѣстникъ Европы—по Чехову—лучшій журналъ изъ всѣхъ толстыхъ".

И тутъ спокойствіе для Чехова милѣе всего!

На общественное движеніе, именуемое марксизмомъ, Чеховъ реагировалъ слѣдующимъ образомъ: „я продалъ Марксу (издателю „Нивы") все—и прошедшее и будущее, сталъ марксистомъ на всю жизнь"...

(Изъ письма Чехова къ И. И. Орлову).

Такъ что „марксизмъ" Чехова дальше Малой Морской (нынѣ улицы Гоголя) не пошелъ.

Въ „Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка" Чеховъ сводитъ къ какому-то пустому мѣсту революціонное движеніе.

Этотъ общественно-политическій индифферентизмъ и обусловилъ жесткость, съ которой онъ прикасался къ больнымъ мѣстамъ русской жизни.

Въ разсказѣ „Крыжовникъ“ Чеховъ говоритъ, что человѣку нуженъ весь земной шаръ, вся природа, весь просторъ видимаго свѣта. И я не возражалъ бы, если бы такой благородный и высокій порывъ не отдавалъ ничшеанствомъ, ярымъ индивидуализмомъ, если бы этотъ чеховскій счастливецъ-человѣкъ не заслонялъ въ моихъ глазахъ человѣчества, иначе я протестую, ибо мнѣ рядомъ съ этимъ сверхъ-человѣкомъ тѣсно.

Въ „Крыжовникѣ“ передъ вами Чеховъ-ничшеанецъ,— дайте ему эксцессы индивидуализма, и онъ успокоится, ибо тогда съ его глазъ спадетъ сѣрый туманъ обыденщины.

Изъ всѣхъ боговъ, какимъ Чеховъ могъ, по своей духовной организаціи, поклоняться всего охотнѣе, былъ, несомнѣнно богъ индивидуализма. Но служить ему открыто у Чехова не хватало мужества, ибо налѣво отъ него возвышался богъ общественности. И Чеховъ плылъ между двухъ береговъ, оставаясь далекимъ какъ отъ одного, такъ и отъ другого.

Подходя къ толпѣ (не вплотную), онъ предварительно не умѣлъ отрѣшиться отъ былыхъ воззрѣній на нее, не умѣлъ проникнуться къ ней уваженіемъ, какъ къ собирательному типу.

Въ результатѣ богъ индивидуализма тайно господствовалъ въ душѣ Чехова надъ богомъ общественности.

Безспорно во всякомъ случаѣ, что „Футляръ“ для Чехова—синонимъ и обобщеніе всякой дисциплины. Всякій человѣкъ съ принципами, съ сознаніемъ долга, человѣкъ, координирующій свои поступки съ интересами ближняго, по Чехову, уже, несомнѣнно, человѣкъ въ футлярѣ. Въ разсказѣ подъ этимъ заглавіемъ Чеховъ обнаружилъ себя крайнимъ индивидуалистомъ изъ разряда тѣхъ, которые стоятъ въ непримиримой враждѣ съ общественностью.

Въ другомъ мѣстѣ мы снова встрѣчаемся съ Чеховымъ-индивидуалистомъ: „я понялъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить изъ

высшаго, болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель, или не нужно разсуждать вовсе".

Это ужъ цѣлая апологія необузданной страсти. Разсудокъ да подчинится инстинкту! Долой мораль, долой интересы ближняго, долой докучную добродѣтель,—долой все, что становится на пути чисто индивидуальному хотѣнію.

Это уже опасное не только для мыслителя, но и для беллетриста, сальто-мортале въ область скотской философіи. Вѣдь обузданіе инстинктовъ составляетъ стержень всей цивилизаціи. Этого забывать нельзя.

Да, я утверждаю, что въ лицѣ Чехова умеръ на Руси ярый индивидуалистъ—ничшеанецъ. Въ Евангеліи Ничше не видитъ героическаго духа, потому что оно заглушаетъ инстинкты жизни. Христіанство противно Ничше, такъ какъ оно уничтожило пафосъ разстоянія между людьми, замѣнивъ его ненавистнымъ философу равенствомъ, которое уничтожило веселье жизни, сокрушило всѣ виды политическаго и нравственаго рабства.

Чехову тоже не нравятся всякія дисциплины, преслѣдующія интересы *общаго* блага, иногда даже въ ущербъ интересамъ отдѣльной личности.

Вообще мнѣ кажется, что въ вопросѣ о взаимоотношеніи общества и отдѣльнаго индивида у Чехова не было твердой почвы подъ ногами. А между тѣмъ, вѣдь это пробный камень всякаго міровоззрѣнія. Во всѣ эпохи человѣческаго общежитія онъ не переставалъ волновать умы, а въ наше время онъ стоитъ особенно остро.

Уже съ того момента, какъ человѣкъ, по геніальному выраженію Аристотеля, сталъ „общественнымъ животнымъ", въ жизнь его вторглось могучее противорѣчіе, долгія столѣтія терзавшее умы и сердца лучшихъ людей и ставшее, наконецъ, истинной трагедіей человѣческаго духа. Это мучительное противорѣчіе есть взаимоотношеніе личности и окружающей ее среды.

Чеховъ эту среду положительно и во всѣхъ случаяхъ игнорировалъ; въ его глазахъ была личность, надъ лич-

ностью онъ и оперировалъ, съ кропотливостью, достойной лучшей участи. Личность для Чехова самодержавна и самоотвѣтственна. А между тѣмъ вѣдь мы абсолютно не въ состояніи понять и оцѣнить субъективный міръ ощущеній и настроеній отдѣльной личности, ея стремленій и идеаловъ, ни даже ея практической дѣятельности—независимо отъ изученія тѣхъ принциповъ, законовъ и направленій, которые составляютъ содержаніе общества.

Какъ въ духовной, такъ и въ тѣлесной своей жизни человѣка можно понять, какъ существо, являющееся продуктомъ общества и на развитіи своемъ носящее его отпечатокъ, какъ существо, которое связано тысячью видимыхъ и невидимыхъ нитей съ существующими въ обществѣ нравами и условіями воспитанія.

Опытъ на каждомъ шагу учитъ насъ, что отдѣльныя лица, напримѣръ, въ своей хозяйственной дѣятельности, во всемъ своемъ матеріальномъ существованіи, зависятъ не только отъ всѣхъ остальныхъ членовъ одной и той же хозяйственной единицы, но еще и отъ общаго экономическаго положенія въ данный моментъ всего культурнаго міра.

Далѣе, тотъ же опытъ указываетъ намъ, что экономическое положеніе фабриканта, землевладѣльца, рантье, рабочаго и т. д., а равно ихъ взаимное отношеніе въ предѣлахъ извѣстнаго государства въ большинствѣ случаевъ даже не можетъ быть понятно, если не принять во вниманіе хозяйственной дѣятельности всего человѣчества.

И вотъ поэтому пришлось себѣ сказать, что, если отдѣльная личность въ этой важной сторонѣ своей жизни находится въ столь сильной зависимости отъ своихъ ближнихъ, то и во многихъ другихъ отношеніяхъ она не можетъ быть вполнѣ независима, а, наоборотъ, должна разсматриваться, какъ отдѣльное существо, пріобрѣтающее свое *содержаніе* и даже свою *жизненную цѣль* лишь благодаря жизни въ обществѣ.

Никто не можетъ жить за свой собственный счетъ и страхъ, для этого силы его и способности слишкомъ не-

достаточны. Но Чеховъ упорно заставляетъ отдѣльную личность жить именно за свой счетъ и страхъ, упустивъ изъ вида, что вопросъ о личности, объ укладѣ ея характера, о присущей ей нравственности теперь потерялъ свою остроту и уступилъ мѣсто проблемѣ необходимости движущихъ силъ и совокупности условій всего происходящаго.

Теперь ужъ недостаточно сказать: Рафаэль выше Дюрера, но нужно еще понять, почему условія сложились такъ, что Дюреръ съ необходимостью былъ такимъ-то, а Рафаэль съ той же необходимостью проявилъ себя такимъ-то. Теперь уже не спорятъ о томъ, былъ-ли Наполенъ I, Фридрихъ II, Людовикъ XVI или вообще кто-либо иной геніемъ или преступникомъ, энергичнымъ или слабымъ человѣкомъ.

Корсиканецъ Наполеонъ сталъ тѣмъ военнымъ диктаторомъ, котораго сдѣлала необходимымъ истощенная внутренними усобицами французская республика. Но не будь Наполеона, другой занялъ бы его мѣсто: это подтверждается тѣмъ фактомъ, что какъ только чувствуется необходимость въ появленіи какого-нибудь человѣка,—онъ появляется. Цезарь, Августъ, Кромвель и т. д.

Когда К. Марксъ впервые провозгласилъ матеріалистическое пониманіе исторіи, Тьеръ, Минье, Гизо и вообще всѣ историки 1850 г. доказывали, что въ этомъ ощущалась необходимость, что время открытія матеріалистическаго пониманія исторіи наступило, и потому оно должно быть открыто.

Необходимость и закономѣрность всѣхъ соціальныхъ явленій еще никогда не сознавалась такъ интенсивно, какъ теперь.

Теперь силятся понять, почему каждый съ необходимостью долженъ былъ поступать именно такъ, какъ онъ поступалъ, а не иначе, понять, каковы были условія, благопріятствовавшія одному и приведшія къ гибели другого.

Дикарь, одиноко и безпрепятственно блуждающій по лѣсамъ, повидимому, обладаетъ неограниченной личной

свободой, тѣмъ не менѣе голодаетъ, жаждетъ, мерзнетъ и вообще претерпѣваетъ на себѣ прямо-таки колоссальную власть природы, которой онъ вдобавокъ не знаетъ и не понимаетъ.

Я не могу входить здѣсь въ болѣе детальное и обстоятельное разсмотрѣніе вопроса о взаимоотношеніи личности и общества. Интересующіеся этимъ вопросомъ найдутъ нѣкоторые матеріалы въ нижепоименованныхъ источникахъ*).

Идея прогресса.

Какъ понималъ Чеховъ идею прогресса, лучше всего прослѣдить по его произведеніямъ.

Возьмемъ разсказъ „Моя жизнь".

„Рядомъ съ процессомъ постепеннаго развитія идей гуманныхъ наблюдается и постепенный ростъ идей иного рода. Крѣпостного права нѣтъ, зато растетъ капитализмъ. И въ самый разгаръ освободительныхъ идей такъ же, какъ во времена Батыя, большинство кормитъ, одѣваетъ и защищаетъ меньшинство, оставаясь само голоднымъ, раздѣтымъ, беззащитнымъ. Такой порядокъ прекрасно уживается съ какими угодно вѣяніями и теченіями, потому что

*) *Гиддингсъ*, Основы соціологіи. Анализъ явленій ассоціаціи и соціальной организаціи. М. 1898.

Ахелисъ, Соціологія. СПБ.

Боровой, Общественные идеалы современнаго человѣчества. М. 1906.

Райхесбергъ, Соціализмъ и анархизмъ. СПБ. 1906.

Исаевъ, Индивидуализмъ и соціализмъ. СПБ. 1907.

Покровскій, Личность и общество. Казань, 1907.

Агафоновъ, Индивидуализмъ и соціализмъ. СПБ. 1906.

Штаммлеръ, Хозяйство и право. СПБ. 1907.

Тэкеръ, Вмѣсто книги. М, 1908.

Цокколи, Анархизмъ. СПБ. 1908.

Грейлихъ, О матеріалистическомъ пониманіи исторіи СПБ. 1906.

Майеръ, Закономѣрность въ общественной жизни.

искусство порабощенія тоже культивируется постепенно. Мы уже не деремъ на конюшнѣ нашихъ лакеевъ, но мы придаемъ рабству утонченныя формы, по крайней мѣрѣ умѣемъ находить для него отправданіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ".

Первая часть этой цитаты, гдѣ говорится о замѣнѣ ига крѣпостного игомъ капитализма, чрезвычайно напоминаетъ формулу соціально-экономическаго развитія человѣчества, выдвинутую школой сенъ-симонистовъ. Но они характеризовали исторію человѣческаго труда послѣдовательной смѣной рабства, крѣпостничества и свободнаго наемничества (по Чехову, капиталистическаго режима), послѣ чего, по ихъ мнѣнію, должна наступить эра свободнаго общественнаго труда, со всѣми присущими ей особенностями общественной организаціи.

Чеховъ же ставитъ точку на свободномъ наемничествѣ, замалчивая перспективы коллективизма. Отрицать ихъ прямо и открыто было какъ-то неудобно, робость одолѣвала, но вѣрить въ нихъ онъ не вѣрилъ.

Обратимся къ разсказу „Студентъ":

„Пожимаясь отъ холода, студентъ думалъ о томъ, что точно такой же вѣтеръ дулъ и при Рюрикѣ, и при Іоаннѣ Грозномъ, и при Петрѣ, и что при нихъ была точно такая же лютая бѣдность, голодъ, такія же дырявыя соломенныя крыши, невѣжество, тоска, такая же пустыня кругомъ, мракъ, чувство гнета, — всѣ эти ужасы были, есть *и будутъ*, и оттого, что пройдетъ еще тысяча лѣтъ, *жизнь не станетъ лучше*".

Вздорность такого міросозерцанія, конечно, очевидна, и на ней едва ли стоитъ останавливаться. Гораздо интереснѣе другой выводъ: — Чеховъ не вѣрилъ въ улучшеніе формъ и содержанія жизни, она, по его убѣжденію, не станетъ лучше и черезъ тысячу лѣтъ. И этотъ выводъ я считаю существенно важнымъ для характеристики Чехова.

„Вы — юристъ, — читаемъ въ одномъ изъ разсказовъ Чехова, („Усадьба") и не вкусили никакихъ другихъ наукъ,

кромѣ гуманитарныхъ, и вы еще можете обольщать себя иллюзіями насчетъ равенства, братства и проч. Я же — неисправимый дарвинистъ"...

Можно утверждать, что и Чехова не обольщали иллюзіи свободы, равенства и братства.

Соціальная мораль.

Чеховъ, повторяя зады отжившей психологіи, разсматриваетъ человѣка, какъ отдѣльный міръ, какъ обособленное и самодовлѣющее существо, являющееся неограниченнымъ руководителемъ своей судьбы.

Согласно съ такой психологіей, юристы видѣли раньше въ такъ называемой доброй или злой волѣ отдѣльнаго лица исключительную причину его поступковъ, а общественное мнѣніе курило ѳиміамъ „великимъ" и „сильнымъ" міра сего, усматривая въ ихъ „величіи" и „силѣ" доказательство ихъ личныхъ способностей.

Эта идея для многихъ представлялась чрезвычайно лестной, ибо всѣ счастливые, богатые, образованные и высокопоставленные находятъ одинаковое наслажденіе въ идеѣ о земномъ предопредѣленіи, лежащей въ основѣ такого взгляда.

Въ разсказѣ „Припадокъ" читаемъ: „на каждомъ лицѣ онъ (студентъ Васильевъ) читалъ только тупое выраженіе обыденной пошлой скуки и довольства. Глупые глаза, глупыя улыбки, рѣзкіе глупые голоса, наглыя движенія — *и больше ничего*"...

И „больше ничего" не сумѣлъ вложить Чеховъ въ душу и въ уста молодого пытливаго студента-юриста Васильева, когда тотъ, сидя въ публичномъ домѣ, въ Соболевомъ переулкѣ, и глядя на проститутокъ, задумывался объ ихъ судьбѣ. „Ничего", кромѣ пошлой буржуазной морали, которая окутывала мозгъ Васильева въ то время,

когда одна изъ проститутокъ просила угостить ее портеромъ. „Портеромъ, — подумалъ Васильевъ,—а что, еслибы сейчасъ вошелъ сюда твой братъ или твоя мать? Что бы ты сказала? А что сказали бы они? Былъ бы тогда портеръ, воображаю!“...

А что сказала бы княгиня Марья Алексѣевна?

Неужели Чеховъ, рисуя въ лицѣ студента нѣчто вродѣ положительнаго типа, упустилъ изъ вида, что голодъ и жажда жизни могущественнѣе грошевой морали? Что проповѣдь о нравственномъ обузданіи передъ лицомъ крайней и безысходной нужды является отвратительнымъ и недостойнымъ порядочнаго человѣка фарсомъ?

Вѣдь въ настоящее время уже ни для кого не секретъ, что, продавая *всю* свою рабочую силу, большинство трудящихся женщинъ не можетъ прожить, — приходится продавать свое тѣло и свою такъ называемую честь, а нерѣдко и самую работу покупать такой цѣной.

Съ проституціей бороться нужно, но, конечно, не тѣми, завѣдомо негодными, средствами, которыя вложилъ въ уста студента Васильева Чеховъ, т. е. не упреками въ безнравственности, а широкими соціальными реформами.

„Ихъ (проститутокъ), — думалъ Васильевъ, — продаютъ, покупаютъ, топятъ въ винѣ и въ мерзостяхъ, а онѣ, какъ овцы, тупы, равнодушны и не понимаютъ“.

Да, что здѣсь понимать, спрошу я? Что міръ плохо устроенъ, что слабымъ нѣтъ въ немъ пока достаточно мѣста, что ихъ гнететъ и деморализуетъ нужда, порожденная помимо ихъ воли?

„Не понимаютъ“!—Отъ этихъ словъ смердитъ...

Не менѣе ребяческими представляются мнѣ дальнѣйшія разсужденія студента Васильева, гдѣ онъ обрушивается на посѣтителей публичныхъ домовъ, какъ на главныхъ виновниковъ проституціи, забывая, что проституція—исторически сложившійся *институтъ*, упразднить который можно не иначе, какъ упразднивъ предварительно породившія его общія условія.

Вообще говоря, въ этомъ разсказѣ обнаружился не только недостатокъ чутья у автора, но еще и просто недостаточное знакомство съ литературой вопроса, малая эрудиція.

Чеховъ и общественные классы.

Оцѣнка различныхъ общественныхъ классовъ—это, быть можетъ, самое слабое мѣсто въ творчествѣ Чехова; въ этой оцѣнкѣ не обнаружились ни чутье, ни простая наблюдательность.

Чеховъ совершенно не понялъ (какъ понималъ, вообще говоря, напр., Золя) истиннаго и широкаго значенія вновь народившейся въ нашей русской деревнѣ силы—Лопахина. Символизація этой новой силы въ деревнѣ до невѣроятности убога и слаба и прямо не удалась Чехову. А между тѣмъ Лопахинъ—умный и энергичный стяжатель—богатый матеріалъ для беллетриста-художника.

Пьяная похвальба покупкой „Вишневаго сада“ и приказаніе приступить къ его порубкѣ, не дожидаясь даже выѣзда прежнихъ владѣльцевъ,—это моментъ, надъ которымъ стоитъ призадуматься. Вѣдь это протестъ (пусть грубый, что за бѣда?), протестъ представителя средняго сословія и демократа. Разберитесь въ его психологіи, и вамъ станетъ понятной его грубость.

Лопахинъ у насъ новый типъ, и я утверждаю, что вообще все новое на Руси какъ-то мало коснулось Чехова.

Переходъ къ такъ называемой городской культурѣ сопровождался у насъ (какъ и въ Европѣ) возникновеніемъ цѣлой арміи чрезвычайно прогрессивныхъ и жизнеспособныхъ элементовъ, подъ напоромъ которыхъ и слагаются теперь нашъ бытъ и наша общественность. Но Чеховъ не замѣтилъ этой силы и ея грядущаго значенія.

Критикъ Айхенвальдъ совершенно правильно находитъ, что Чеховъ „какъ будто не любилъ и не понималъ дѣла. Онъ не любилъ дѣятеля, который себя сознаетъ и цѣнитъ, который хлопочетъ. Онъ не воплотилъ гармоніи между дѣломъ и мыслью. Въ каждомъ дѣлѣ онъ чувствовалъ непріятный оттѣнокъ хлопотливости и суеты, привкусъ какого-то шумнаго безпокойства. Кромѣ того, вѣдь дѣловитость всегда весела и *жизнерадостна*. То и другое было отнято отъ Чехова его болѣзнью, и меланхолія съ грустью *органически* были ему ближе.

И напрасно литературные критики ломаютъ себѣ головы надъ разрѣшеніемъ вопроса, какъ могло въ Чеховѣ создаться это „стройное" распредѣленіе художественныхъ симпатій и антипатій. Отвѣтъ ясенъ и необычайно простъ, но искать его нужно не въ психологіи, а въ физіологіи автора.

Чеховъ и большой романъ.

Чеховъ никогда не исчерпывалъ своего сюжета всецѣло и всесторонне. Онъ рисуетъ только контурами и не даетъ *всего* человѣка, а только нѣкоторыя стороны его жизни,— нерѣдко чисто эпизодическія. Онъ рисуетъ не столько портреты, сколько силуэты, отъ этого его изображенія такъ мрачны.

Нарисовать цѣлостную картину жизни, во всемъ ея многообразіи, Чехову оказалось невозможно. Передъ этой задачей онъ положительно пасовалъ. Здѣсь обнаружилась его полная несостоятельность. А между тѣмъ, желаніе написать большое и колоритное полотно у Чехова, несомнѣнно, было; по крайней мѣрѣ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ его собственныя признанія. „Собираюсь,— говоритъ онъ,—писать что-то въ родѣ романа и *уже началъ*"... Спустя нѣкоторое время Чеховъ снова говоритъ объ этомъ: „Пишу романъ; *кое-что* какъ-будто выходитъ"...

Въ этихъ двухъ коротенькихъ цитатахъ очень много характернаго: здѣсь и желаніе попробовать себя на чемъ-нибудь большомъ, серьезномъ и отвѣтственномъ и здѣсь же робость, неувѣренность. Оно и понятно.

„Въ основу романа,—пишетъ Чеховъ,—кладу я жизнь *хорошихъ* людей, ихъ лица, дѣла, слова, мысли и *надежды*". (Изъ письма къ Плещееву).

Для оцѣнки творчества и личности Чехова это замѣчательный матеріалъ, въ немъ скрыто истины больше, чѣмъ въ доброй половинѣ критической литературы о Чеховѣ.

Несмотря на страстное и упрямое желаніе написать романъ, Чеховъ не осилилъ его. Написалъ, не безъ потугъ, четыре печатныхъ листа и дальше ни съ мѣста. Что за причина? Вопросъ огромной важности, особенно если мы вспомнимъ о плодовитости Чехова.

И здѣсь я необычайно ясно вижу причину: романъ—это широкая полоса жизни, это многогранная призма, пропускающая лучи самой разнообразной окраски, и покрыть эту призму амальгамой „Чеховщины" оказалось автору не подъ силу, да и не зналъ Чеховъ всей полноты и всего многообразія жизни. А изобразить *цѣлостную* жизнь *хорошихъ* людей, ихъ лица, дѣла, слова, мысли и надежды,—не значило ли бы это порвать связь со всѣмъ тѣмъ, что изображалъ раньше. Да и гдѣ взять красокъ для изображенія надеждъ, когда въ собственной больной груди угасалъ послѣдній ея лучъ?..

И вотъ финалъ его попытокъ написать романъ:—„романъ мой,—сообщаетъ Чеховъ,—на точкѣ замерзанія". А въ другомъ мѣстѣ находимъ цѣлое признаніе:—„писать большое очень скучно и гораздо труднѣе, чѣмъ писать *мелочь*".

И Чеховъ до конца дней своихъ уже не разставался съ *мелочью*.

Чеховъ—драматургъ.

Какъ и для чего Чеховъ сдѣлался драматургомъ? Вѣдь драмы онъ не любилъ и даже не уважалъ. Послушайте, что онъ говоритъ по этому поводу въ одномъ изъ писемъ къ А. Н. Плещееву: „беллетристика—покойное дѣло. Повѣствовательная форма—это законная жена, а драматическая—эффектная, шумная, *наглая* и утомительная *любовница*... Пьесъ не стану писать, если будетъ досугъ, то сдѣлаю что-нибудь пуръ манже".

„Чтобы написать для театра хорошую пьесу, необходимо имѣть особый талантъ; можно быть прекраснымъ беллетристомъ и въ то же время писать сапожницкія пьесы"...

„Пьесы не пишу... Чтобы писать для театра, надо любить это дѣло, а безъ любви ничего путнаго не выйдетъ".

Любить не любилъ, а писалъ. Правда, писалъ нудную чепуху, но что за бѣда: въ союзѣ съ чародѣемъ Станиславскимъ цѣль—„пуръ манже"—всегда осуществлялась съ успѣхомъ, что и требовалось доказать.

Чеховъ и народъ.

> „Природа существа не въ томъ или иномъ моментѣ его развитія, а въ цѣли, къ которой оно стремится".
>
> *Аристотель.*

Насколько близоруки бываютъ цеховые литературные критики, показываетъ хотя бы слѣдующій образецъ: разбирая разсказъ Чехова „Новая дача", Волынскій, между прочимъ, говоритъ: „безъ сантиментальнаго народолюбія Чеховъ слѣдитъ за жизнью деревни. Видно, что писатель хорошо (?) знаетъ и понимаетъ народную душу и жизнь, улавливаетъ воздѣйствіе на нее разныхъ внѣшнихъ умственныхъ и соціальныхъ силъ и разбирается въ сложныхъ во-

просахъ современнаго народнаго быта съ тонкой осторожностью и проницательностью".

А 24 октября 1904 г. въ Москвѣ на публичномъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности, посвященномъ памяти Чехова, А. Н. Веселовскій произнесъ вступительную рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „Чеховъ изображаетъ не какой-нибудь уголокъ своей родины, не близкое только ему общество; имъ затрогивается *вся Русь, всѣ общественные слои*. Съ гражданскимъ мужествомъ рѣшается онъ говоритъ печальную правду о русскомъ народѣ и въ своихъ „Мужикахъ" даетъ картину, небывалую еще по правдивости изображенія. Трудно указать стороны русской жизни, куда не проникалъ бы его взоръ. Этотъ широкій захватъ нашей дѣйствительности, при высоко талантливомъ ея изображеніи, безспорно приноситъ *большую пользу для народа*"...

На самомъ же дѣлѣ во всей нашей литературѣ нѣтъ болѣе мрачнаго изображенія крестьянства, чѣмъ картина, которую Чеховъ *набросалъ* въ „Мужикахъ". Полное отсутствіе нравственнаго чувства и въ тѣхъ, вышедшихъ и изъ народа, людяхъ, которые изображены въ другомъ разсказѣ „Въ оврагѣ".

Я уже не стану говорить о томъ, что какъ живой укоръ Чеховскому „гоненію на народъ" встаетъ цѣлая плеяда талантливыхъ русскихъ беллетристовъ, соприкасавшихся съ народомъ неизмѣримо тѣснѣе, чѣмъ соприкасался Чеховъ (ссылокъ дѣлать не стану, такъ какъ ими полна исторія русской литературы). Укажу на иностранцевъ, которые, при всей суровости, отнеслись къ нашему народу гораздо благосклоннѣе, чѣмъ это сдѣлалъ родной намъ по крови и по духу Чеховъ.

Психологи, публицисты, экономисты и государственные дѣятели Стараго и Новаго Свѣта неоднократно давали оцѣнку тѣмъ или другимъ свойствамъ русскаго народа, и никогда эта оцѣнка не была столь мрачной и безпросвѣтной, какъ у Чехова. Въ худшемъ случаѣ иностранцы признавали въ нашемъ народѣ *потенціальную* мощь.

Чеховъ же находитъ, что: „люди эти (мужики) живутъ *хуже скотовъ*, жить съ ними было страшно; они грубы, не честны, грязны, не трезвы, живутъ несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважаютъ, боятся и подозрѣваютъ другъ друга. Кто держитъ кабакъ и спаиваетъ народъ?—Мужикъ. Кто растрачиваетъ и пропиваетъ мірскія, школьныя, церковныя деньги?—Мужикъ. Кто укралъ у сосѣда, поджегъ, ложно показалъ на судѣ за бутылку водки? Кто въ земскихъ и другихъ собраніяхъ первый ратуетъ противъ мужиковъ?—Мужикъ. Да, жить съ ними „страшно“.

(Мужики“. Соч., т. IX).

Мужичья жизнь не является для Чехова (какъ это признаетъ даже критикъ Волжскій) предметомъ трепетныхъ исканій, завѣтныхъ думъ и вдохновенныхъ увлеченій. Къ этой жизни онъ подходитъ съ той же безпросвѣтной, больной тоской и съ тѣмъ же холоднымъ безстрастіемъ.

Русскихъ мужиковъ Чеховъ рисуетъ съ такимъ же легковѣснымъ безразличіемъ и поверхностнымъ легкомысліемъ, какъ Ги-де-Мопассанъ рисовалъ жизнь французскихъ крестьянъ. Какъ тутъ, такъ и тамъ отсутствуетъ всякій демократизмъ. И у одного, и другого писателя отношеніе къ народу чисто *буржуазное*, стороннее, гадливое, брезгливое, презрительное, равнодушное, безучастное и безличное.

Тутъ-то и обнаружилось, что Чеховъ оказался въ высокой степени свободенъ отъ охватившаго русское общество демократизма.

У Чехова не было вѣры въ народъ, какъ и не было демократическихъ идеаловъ.

И это не можетъ не леденить душу пытливаго и чуткаго читателя. Чеховъ стоитъ особнякомъ отъ описываемыхъ имъ мужиковъ, и ни въ немъ, ни вокругъ не видно просвѣтовъ. Они скрыты, затушеваны. Но они были и есть. Кто въ этомъ серьезно сомнѣвается, тому лучше бѣжать изъ Россіи!..

Въ своихъ „Мужикахъ“ Чеховъ обнаружилъ полное отсутствіе специфическаго интеллигентскаго демократизма.

И это колоссальный минусъ въ его нравственной фи
зіономіи.

Мужикъ для Чехова не человѣкъ будущаго, не идеол
гическая категорія, не источникъ упованій, а просто „*н
кчемный* и *запущенный* человѣкъ".

Въ творчествѣ всѣхъ предшественниковъ Чехова *) в
изображеніи народной жизни рядомъ съ художникомъ вс
гда стоялъ публицистъ—демократъ, глубоко вѣровавшій в
творческія силы народа и его свѣтлое будущее. Въ Чехов
все это отсутствовало.

Глѣбъ Успенскій неустанно призывалъ: „смотрите н
мужика... Всетаки надо смотрѣть на мужика"...

Чеховъ тоже смотрѣлъ, но не тѣми глазами, не с
тѣмъ особеннымъ, почти непередаваемымъ оттѣнкомъ глу
боко искренней любви, тревожной заботы и радостной на
дежды, какъ требовалъ того Г. И. Успенскій

Нашъ величайшій композиторъ М. И. Глинка обнару
жилъ дѣятельность, полную безпредѣльнаго творчества
основой для которой ему неизмѣнно служила *народна*
пѣсня, независимо отъ того, гдѣ и что онъ творилъ. Оди
наково чутко и любовно прислушивался онъ къ народно
пѣснѣ и въ Россіи, и въ Испаніи.

Чеховъ же, говоря образно, былъ равнодушенъ къ *на
родной* пѣснѣ.

Чеховъ—это неподмѣненное дитя той части нашей рус
ской интеллигенціи, *фактически* оторванной отъ народа
которая вотъ уже сколько десятковъ лѣтъ жарится в
собственномъ соку.

И міровоззрѣніе этой самой интеллигенціи оказалось дл
Чехова роковымъ „футляромъ", изъ котораго онъ не вы
ходилъ съ 1879 г. до гробовой доски (2 іюля 1904 г.).

---

*) Толстой, Некрасовъ, Левитовъ, Г. Успенскій, Златовратскій
Короминъ-Петропавловскій, Щедринъ и др.

Для Чехова оказались чуждыми и далекими поистинѣ великія исканія идеаловъ въ широкихъ слояхъ многомилліоннаго народа. А между тѣмъ они, эти исканія, были.

У насъ любятъ говорить, что 80-е годы были безвременьемъ. Пожалуй, но только исключительно для интеллигенціи, такъ какъ и реакція была не что иное, какъ простое переутомленіе руководящихъ интеллигентскихъ круговъ послѣ великихъ реформъ.

И Чехова, пожалуй, можно было бы признать талантливымъ живописцемъ этого переутомленія. Но вѣдь, какъ мы знаемъ, писатель не спеціализировался на этомъ любопытномъ жанрѣ, а захотѣлъ пойти дальше, дерзнулъ затронуть мало знакомыя и чуждыя ему области народнаго быта и здѣсь, конечно, поскользнулся.

Говорятъ, что на общемъ характерѣ позднѣйшаго творчества Чехова (начало котораго можно отнести къ появленію его „Скучной исторіи“ въ 1888 г.) ярко сказалась та мрачная полоса отчаянія и безнадежной тоски, которыя въ 80-хъ годахъ охватили тонкій слой нашей интеллигенціи.

Пусть такъ.

Но вѣдь тѣ же восьмидесятые годы характеризуются сознаніемъ русской интеллигенціи, что она *сама* совершенно безсильна справиться съ исторической задачей, что внѣ тѣснаго союза съ народомъ, внѣ органическаго слiянія съ нимъ, она—растеніе безъ корней, а всѣ ея благіе порывы, самодовлѣющіе идеалы и стремленія—пустой звукъ, и самое ея бытіе пустоцвѣтно. Восьмидесятые годы это жестокій урокъ для нашей интеллигенціи. Получивъ его, интеллигенція „дрогнула“, дрогнулъ и Чеховъ, но какъ беззавѣтный ея слуга все же остался съ ней.

Такая преданность обыкновенно бываетъ присуща натурамъ не стремительнымъ; какая то сила властно приковываетъ ихъ къ прошлому; кумиръ развѣнчанъ, повергнутъ въ прахъ, но нѣкоторые изъ его адептовъ остаются съ нимъ.

Одиночество и оторванность нашей интеллигенціи въ восьмидесятые годы были констатированы какъ нельзя болѣе краснорѣчиво. Но это не помѣшало Чехову до конца дней своихъ оставаться выразителемъ и истолкователемъ ея неврастенической разслабленности.

Чеховъ, отвернувшись отъ народа, слился съ людьми, утратившими самое стремленіе къ идеалу, съ нытиками, безвольными, безцвѣтными, всѣмъ надоѣдавшими жалобами на свою безпомощность, пошлость и ненужность. И сказалъ:—*такова вся Россія.*

А литературные критики кричали ему „ура!“ и называли его „замѣчательнымъ художественнымъ историкомъ. Именно историкомъ, холоднымъ и безстрастнымъ“.

И никто при этомъ не добавилъ; историкомъ куцымъ, однобокимъ, больнымъ и тенденціознымъ.

Въ многочисленныхъ литературныхъ толкахъ о Чеховскихъ „Мужикахъ“ были попытки увидѣть въ этомъ произведеніи художественное разрѣшеніе противорѣчій между городомъ и деревней въ пользу перваго.

Чеховъ своими „Мужиками“ якобы въ первый разъ показалъ разстояніе между представителями города и деревни.

На самомъ же дѣлѣ Чеховъ одинаково далекъ какъ отъ идеализаціи крестьянской жизни, стоящей въ его изображеніи на чисто зоологической стадіи развитія, такъ и отъ вѣры въ культурную мощь города. Вѣдь Чеховъ не Золя, не соціальный писатель и потому не могъ видѣть, какъ не видѣлъ тысячи другихъ вещей, „разстоянія“ между представителями города и деревни.

Въ повѣсти „Моя жизнь“ Чеховъ рисуетъ городскую жизнь не менѣе дикой, безсмысленной и тусклой, чѣмъ жизнь обитателей Холуевки (хорошее названіе!).

Страшась жизни вообще, Чеховъ естественно страшился и мужицкой жизни.

„Я, голубчикъ, не понимаю и боюсь жизни“.

(Чеховъ, Сочиненія, т. VI, стр. 234).

Вотъ истинный ключъ для уразумѣнія символа вѣры Чехова.

Чеховъ самъ происходилъ изъ крестьянской семьи, но количественный и качественный ростъ демократіи въ Россіи какъ-то не захватилъ его, а порой даже кажется что онъ попросту не замѣтилъ выступленія на арену русской жизни демократическихъ элементовъ.

Всѣ наши художники народной жизни руководились въ ея изображеніи опредѣленными идеалами. Чеховъ же въ этомъ отношеніи поистинѣ нищенски бѣденъ и совершенно *безкрылъ*. И литература его поэтому вышла безплодной, оторванной отъ живой дѣйствительности и абсолютно безсильной надъ ней.

Попытки, правда, весьма рѣдкія, обнаружить свѣтлыя стороны жизни мужиковъ поражаютъ свѣжаго человѣка (профессіональные критики такую свѣжесть утратили) своей дѣланностью, механичностью и неискренностью.

Кромѣ того, Чеховъ сознательно не давалъ намъ полной обрисовки положительныхъ типовъ. Возьмите, напримѣръ, такой богатый образъ, какъ Липа („Въ оврагѣ"). По нѣсколькимъ штрихамъ уже видно, какими огромными нравственными сокровищами обладаетъ эта натура. Но Чеховъ попросту „замолчалъ" эти сокровища.

Истинно талантливый писатель имѣетъ преимущество видѣть ясно то, что толпа смутно чувствуетъ.

Относительно Чехова приходится сказать, что онъ не уловилъ смутныхъ чувствованій толпы—всего русскаго народа—и особенно ея низовъ.

Но за то онъ уловилъ и славу, и ренту, хотя и говорилъ самъ о себѣ, что онъ *„нищъ наблюдательностью текущаго"*.

Такъ, напримѣръ, идея „земли и воли", безусловно жившая въ нашемъ народѣ и въ шестидесятые, и въ семидесятые, и въ восьмидесятые годы, оказалась для Чехова совершенно terra incognita.

Далѣе, лишь кое-гдѣ въ очеркахъ Чехова вспыхиваютъ искры религіознаго исканія, но сейчасъ же и меркнутъ *).

Въ одномъ только разсказѣ („Убійство") Чеховъ какъ-будто хочетъ вплотную подойти къ роднику, откуда народъ черпаетъ живую воду. Но подходитъ не какъ томимый жаждой, а какъ добросовѣстный врачъ, принимающій всѣ дезинфецирующія мѣры, чтобы и самому не заразиться и не перенести заразы на другихъ" **).

Въ 1904 году мнѣ пришлось прочесть въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 300) статью подъ заглавіемъ: „Что превращаетъ пахаря въ героя?" Статья эта, по содержанію, имѣетъ прямое отношеніе къ пониманію, или точнѣе, непониманію, Чеховымъ психологіи русскаго мужика. Авторъ статьи наблюдалъ въ массахъ русскаго простонароднаго люда огромный запасъ духовныхъ силъ, которыя въ обычной обстановкѣ не всегда могутъ быть подмѣчены простымъ глазомъ. Но, напримѣръ, на войнѣ, когда въ того же нелюбезнаго сердцу Чехова мужика вселяется сознаніе, что та работа, которую онъ исполняетъ, служитъ великому дѣлу защиты родины, этотъ мужикъ положительно перерождается.

Въ деревнѣ вся жизнь складывается такъ, что кромѣ узкихъ потребностей своего двора и въ рѣдкихъ случаяхъ — своего поселка ему ни о какихъ другихъ дѣлахъ и думать-то не приходится. Самостоятельный же интересъ къ болѣе широкимъ сферамъ общественной и государственной жизни въ немъ не развивается. На войнѣ же ему говорятъ, что онъ — защитникъ отечества, что въ качествѣ такового онъ достоинъ глубокаго уваженія со стороны всѣхъ окружающихъ; что онъ всѣ свои силы, всѣ свои помыслы долженъ направить на это высокое дѣло; что его страданія, его раны, даже его смерть, это—подвиги,

*) О томъ, какъ Чеховъ относился къ религіи вообще и къ христіанству въ частности, читатель найдетъ прекрасный матерьялъ въ книгѣ Мережковскаго „Грядущій Хамъ".

**) Воспоминанія Сергѣенко.

это—путь къ славѣ, это—жертвы, приносимыя для достиженія величайшихъ цѣлей, которыя только можетъ поставить себѣ человѣкъ и гражданинъ! И забытая, приниженная личность пахаря растетъ параллельно тому, какъ расширяются его кругозоръ, его интересы, параллельно тому, какъ онъ начинаетъ смотрѣть на себя не только какъ на крестьянина такого-то села и такой-то волости, а какъ на истиннаго сына своей родины, призваннаго всѣми силами своей мысли и своей души стать на ея защиту. Растетъ его личность, растетъ его самоуваженіе, а вмѣстѣ съ ними растутъ его силы и его энергія, и весь міръ удивляется дѣламъ его...

Но нельзя же думать, что только среди ужасовъ кровавыхъ столкновеній русскій простолюдинъ можетъ найти условія для широкаго и мощнаго развитія своей личности. Война — это случайная форма, въ которую вливается уже имѣющееся на лицо содержаніе. А вѣдь это содержаніе и отрицалъ Чеховъ.

Чеховъ какъ будто не понималъ, что въ мірѣ реальныхъ явленій есть одно титаническое начало, — это *душа народа*.

Всѣ движенія этой души величественны и прекрасны. Иными они быть не могутъ.

Возьмемъ-ли мы ея страданія или гордость, гнѣвъ или смиреніе, ея идеалы или заблужденія, ея геній или безуміе, любовь или ненависть, вѣру или безвѣріе, отвагу или страхъ,—всюду мы обнаружимъ величіе, величіе и величіе.

Въ ней неизсякаемый источникъ творчества и вдохновенія, изъ ея атомовъ и молекулярныхъ частицъ формируется всякая индивидуальность и въ ней же снова растворяется.

Всего этого Чеховъ, повторяю, какъ будто не сознавалъ и обнаружилъ въ своемъ отношеніи къ народу холодную черствость. Хотя дѣйствительность предлагала ему немалый матеріалъ для раздумья; вникните, напримѣръ, въ слѣдующую цитату изъ разсказа Чехова „Жена“;

„Глядя на улыбающаго мужика, на мальчика съ громадными рукавицами, на избы, я понималъ теперь, что *нѣтъ такого бѣдствія, которое могло бы побѣдить этихъ людей*".

Но взоръ художника только скользнулъ по этому матеріалу и отвернулся въ сторону. Вѣдь отъ мужика такъ дурно пахнетъ!

Иное дѣло московскія дамы-патронессы, изящныя, благоухающія. Онѣ давали Чехову хорошее настроеніе.

Чеховъ и народныя движенія.

Я готовъ тысячу разъ повторять, что русская *народная* исторія еще не написана, что отъ насъ многое формально еще скрыто, что мы еще не знаемъ истинныхъ героевъ этой исторіи, вродѣ Ковылина...

Не въ силахъ, конечно, и я написать эту *народную* исторію, но мнѣ позволено просить читателя сосредоточить свой взоръ хотя бы на отдѣльныхъ этапахъ этой исторіи.

Равнымъ образомъ я не дерзаю брать на себя роль адвоката великаго народа—онъ самъ опровергнетъ возведенную на него хулу.

Великая честь —указать на свѣтъ въ то время, когда другіе указываютъ на тьму.

Эту честь я принимаю вмѣстѣ съ полной отвѣтственностью за ея сохраненіе.

Разобраться въ движеніяхъ, происходящихъ въ нѣдрахъ народной жизни, необходимо для того, чтобы быть въ состояніи отнестись критически къ оцѣнкѣ Чеховымъ этой народной массы.

Съ этой цѣлью я считаю важнымъ остановить вниманіе читателя на русскомъ расколѣ.

Русскій расколъ представляетъ собой историческое явленіе, вовсе необъяснимое одними религіозными побужде-

ніями. Религіозные догматы были избраны вожаками раскола лишь какъ лозунгъ, болѣе знакомый и лежавшій ближе къ сердцу ихъ послѣдователямъ.

Отмѣна земскихъ правъ—вотъ гдѣ нужно видѣть источникъ раскола.

Отступленіе отъ буквы догмата нужно было раскольникамъ лишь какъ знамя для политическаго протеста.

Ученіе Лютера также вѣдь было лишь знаменемъ политической пропаганды, отдѣлившей сѣверъ Европы отъ юга.

Корнемъ нашего раскола является умствованіе русской простонародной среды, пробудившееся стремленіе къ реформѣ. Но за религіознымъ умствованіемъ (также, конечно, весьма интереснымъ и глубоко положительнымъ явленіемъ) скрывался политическій протестъ.

Но даже „стояніе за старину“ имѣло безусловный государственный смыслъ, когда оно направлялось противъ крайностей и увлеченій: превращеніе Россіи въ Татарію было бы крайностью, передѣлка ее въ Германію или Голландію—то же самое. Поэтому партія, стоявшая за сохраненіе бытовой и культурной самостоятельности, имѣла за себя на вѣсахъ исторіи весьма многое.

Далѣе, исторія раскола прямо говоритъ о недовольствѣ раскольниковъ вмѣшательствомъ духовенства въ свѣтскія отношенія. Но вѣдь это пароль, одушевляющій и новѣйшую эпоху.

Если бы расколъ не былъ выраженіемъ земскаго начала, онъ бы не увлекъ массъ. Сопротивленіе новому только потому, что оно ново, такъ нелѣпо, что милліоны не увлеклись бы имъ. Но борьба шла не съ новымъ, а съ нововводителями, *не справлявшимися съ народными желаніями*, слѣдовательно, *борьба шла съ тиранніей*.

Расколъ возникъ изъ отрицанія народности, явившись слѣдствіемъ господства произвола.

Въ томъ, что расколъ не былъ явленіемъ только религіознымъ, а исторически-бытовымъ, соціальнымъ и, по

окраскѣ своей, строго демократическимъ,—не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Съ 1866 г. расколъ уже открыто переходитъ изъ сферы церковной въ сферу *гражданской, народной* жизни и здѣсь принимаетъ характеръ демократической оппозиціи бюрократическому строю.

Проф. И. Ф. Нильскій *) признаетъ, что раскольники были недовольны не только господствующей церковью, но и существующимъ государственнымъ порядкомъ.

Н. Я. Аристовъ, ученикъ А. П. Щапова, утверждаетъ, что расколъ составлялъ протестъ противъ иноземныхъ (бюрократическихъ) нововведеній, особенно тѣхъ, которыя явились стѣсненіемъ *свободно развивавшейся* русской жизни и нисколько не гармонировали съ духомъ народа.

Еще интереснѣе взглядъ В. В. Андреева **), который говоритъ, что „послѣдователи раскола безспорно вмѣстѣ и представители нашего земства, *нашей народной массы*. Послѣдователи раскола—самая трезвая, работящая, промышленная и грамотная часть нашего крестьянства. Они—представители ума и гражданственности въ русской простонародной средѣ. Изученіе раскола съ догматической и административной точекъ зрѣнія не повело ни къ чему. Расколъ можетъ быть изучаемъ только съ земской точки зрѣнія, въ связи съ главными событіями народной исторіи.

По глубокому убѣжденію В. В. Андреева, старина для раскола только предлогъ; онъ борется не за нее, а противъ поглощенія правъ земства центральной властью, противъ введенія новыхъ порядковъ *безъ спроса* земства.

Вѣдь это лозунгъ, одухотворяющій и самыя прогрессивныя теченія нашихъ дней. Въ немъ и демократизмъ, и народовластіе, и децентрализація управленія и, конечно, всѣ элементы гражданской свободы.

Нужно помнить, что самое появленіе раскола совпадаетъ съ полной отмѣной земскихъ правъ, завершенной

*) Устройство раскольничьихъ общинъ.

**) Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи.

окончательнымъ закрѣпленіемъ крестьянъ при Алексѣѣ Михайловичѣ.

По словамъ Н. И. Костомарова, въ расколѣ у насъ привыкли видѣть одну тупую любовь къ старинѣ, его считаютъ плодомъ невѣжества, противодѣйствіемъ просвѣщенію, борьбой окаменѣлаго обычая съ подвижной наукой.

Но этотъ взглядъ, по его мнѣнію, совершенно ложенъ, ибо расколъ не есть старая Русь; расколъ—явленіе *новое*, чуждое старой Руси. Въ старой Руси господствовало отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ; расколъ же любилъ мыслить, спорить; раскольникъ не успокаивалъ себя мыслью, что если ему приказано сверху такъ то молиться, то стало быть такъ и слѣдуетъ. Расколъ хотѣлъ сдѣлать собственную совѣсть судьей приказанія; расколъ пытливъ и потому стремился самъ все провѣрить и изслѣдовать.

Въ этомъ смыслѣ расколъ является крупнымъ событіемъ умственнаго прогресса *простого* русскаго *народа*.

Вожаки раскола, набирая себѣ сторонниковъ между тѣми въ народной массѣ, въ комъ выказывалась наклонность къ мышленію и умственному развитію, и занимая ихъ религіозными вопросами, сами въ религіи видѣли только предлогъ, а не сущность протеста, олицетворяемаго расколомъ. Религія явилась какъ средство занять тѣхъ, чья наклонность къ мышленію могла естественно остановиться только на религіозной почвѣ, такъ какъ въ народной массѣ были распространены только церковныя книги, а мышленіе народныхъ массъ обыкновенно направляется запасами свѣдѣній, которыми онѣ располагаютъ.

Приверженцы раскола пускаются въ обширныя торговыя предпріятія; они имѣютъ во всѣхъ концахъ Россіи *своихъ* людей, отовсюду получаютъ свѣдѣнія, а потому обороты ихъ удаются. Они содѣйствуютъ процвѣтанію олонецкихъ желѣзныхъ заводовъ, они открываютъ руду на Уралѣ, они первые везутъ хлѣбъ съ волжскаго понизовья въ Петербургъ и т. д. и т. д.

Это піонеры, сильные люди, строители жизни.

Нельзя обойти молчаніемъ и широкаго развитія взаимопомощи у раскольниковъ, а также недопущенія бранныхъ словъ.

Многіе раскольники были видными дѣятелями въ русскомъ неоффиціальномъ мірѣ.

Главные русскіе капиталы сосредоточиваются преимущественно въ рукахъ послѣдователей раскола. (Пусть представители экономической науки дадутъ по этому поводу оцѣнку общественнаго значенія раскольниковъ).

Съ Екатерины II расколъ превращается въ экономическую общину, охватывавшую всю Россію. Религіозный протестъ Аввакума и Никиты, политическій протестъ Некрасова и Пугачева превращаются въ экономическій протестъ Преображенскаго и Рогожскаго кладбищъ.

Расколъ всегда имѣлъ свою правильную организацію, свои съѣзды, свою почту и даже свою полицію. И все это было строжайше конспиративно. Тутъ есть чему подивиться. Для этого потребовались недюженныя дарованія, силы, энергія, солидарность и дисциплина. Все это свойства въ высокой степени положительныя, и передъ такими людьми не стыдно снять шляпу.

Расколъ собиралъ вокругъ себя даровитыхъ людей изъ *народной* среды; какъ протестанты по натурѣ, они находили въ расколѣ выраженіе своего оппозиціоннаго духа. Эти люди сообщали расколу жизнь и силу. Они сдѣлали изъ него *народную* школу въ то время, когда *училищъ для народа не было.*

Разсмотримъ нѣкоторыя интересныя частности.

Ученіе стригольниковъ чисто раціоналистическое: они сами толковали св. писаніе, не признавали архіереевъ, не вѣрили въ воскресеніе изъ мертвыхъ, были врагами монастырей.

Молокане представляютъ въ жизни много особенностей, напоминающихъ протестантизмъ и пуританство. Такъ, они не пьютъ крѣпкихъ напитковъ; у молоканскихъ дѣтей нѣтъ

игрушекъ, они не ѣдятъ лакомствъ; къ наказаніямъ ихъ родители почти никогда не прибѣгаютъ. Молоканскія женщины не носятъ украшеній. Женщина у нихъ равноправна мужчинѣ. Супружескій союзъ есть у нихъ слѣдствіе одного согласія и слова любви, даннаго другъ другу.

Въ безпоповщинѣ женщина также стоитъ очень высоко. Впрочемъ, мы знаемъ, что у раскольниковъ женщина даже священнодѣйствуетъ. Значитъ, въ то время, какъ православная церковь, руководясь словами апостола—„женѣ учити не повелѣваю, но быти въ безмолвіи“,—не предоставляла женщинамъ миссіонерской и проповѣднической дѣятельности, расколъ, напротивъ, въ женщинахъ находилъ существенную опору для распространенія своихъ ученій.

Духоборцы вѣруютъ аллегорически: Отецъ — память, Сынъ—умъ, Духъ Святой—воля. Въ томъ же аллегорическомъ смыслѣ признаютъ они Христа.

Внѣшнюю церковь отвергаютъ, иконы считаютъ идолами.

Возьмемте аскетизмъ; какъ извѣстно, онъ состоитъ въ обязательствѣ добровольнаго и безусловнаго цѣломудрія. Къ этому побуждаетъ человѣчество Шопенгауэръ въ энергическихъ и рѣзкихъ выраженіяхъ, не допускающихъ ни отказа, ни уступки. Онъ приглашаетъ насъ къ пресѣченію будущаго человѣчества черезъ „славное“ и „единодушное“ рѣшеніе, черезъ своего рода коллективное, родовое самоубійство, которое отвергло бы не только форму воли, индивидуализированную въ тѣлѣ, но и принципъ воли въ родѣ, изсушивши разъ навсегда источникъ жизни и потокъ поколѣній.

Въ этомъ вопросѣ, какъ извѣстно, Шопенгауэръ проявилъ особенную энергію и удивительное изобиліе аргументовъ и увѣщаній.

А наши скопческія секты?..

Матеріализируя аскетизмъ и сводя его на хирургическую операцію, они провозглашаютъ этимъ кровавымъ

жертвоприношеніемъ, что жизнь дурна и что хорошо было бы изсушить ея источникъ.

Пусть это будетъ наиболѣе низкая форма пессимизма, но это въ то же время и его наиболѣе логическое выраженіе. Это пессимизмъ, какъ его понимаютъ грубыя и неистовыя натуры, которыя тотчасъ доходятъ до крайнихъ выводовъ системы, не останавливаясь на безполезныхъ элегіяхъ, на элегантныхъ бездѣлушкахъ тѣхъ „beaux esprits", которые, какъ Чеховъ, вѣчно ноютъ, брюзжатъ и жалуются, но никогда не предпринимаютъ ничего рѣшительнаго *).

Возьмемъ этотъ уродливый и противуестественный идеалъ скопцовъ и посмотримъ, что лежитъ въ его основаніи:—стремленіе избавиться отъ вложенныхъ въ человѣка природой инстинктовъ.

Тонкое движеніе души и грубая оболочка.

А послушайте, что говоритъ, напримѣръ, поэтъ-декадентъ, Сантэръ, въ романѣ Золя „Fécondité"...

Такимъ образомъ, теорія Шопенгауэра сводится на аскетизмъ и на нѣкоторые практическіе пріемы, какъ, напр., на добровольную смерть черезъ истощеніе и на упраздненіе половыхъ сношеній.

А наши секты?..

Въ настоящее время въ Германіи и, въ частности, въ Берлинѣ, существуетъ секта „шопенгауэріанцевъ", которая энергично проповѣдуетъ эти идеи. У этой секты имѣются свои обряды, свои формулы и проч. Это нѣчто вродѣ франкъ-масонства, обрекшагося клятвѣ на уничтоженіе любви, ея иллюзій и ея дѣлъ.

А наши секты?..

Далѣе.

Въ 1842 г. министерство внутреннихъ дѣлъ обратилось въ Святѣйшій Синодъ съ просьбой указать, какія именно изъ раскольничьихъ сектъ и толковъ признаются духовнымъ начальствомъ особенно противными ученію св. церкви.

*) См. интересную книгу Карро, Пессимизмъ въ XIX вѣкѣ.

Оберъ-прокуроръ Синода, графъ Протасовъ, отвѣтилъ (привожу отвѣтъ въ наиболѣе интересныхъ извлеченіяхъ): вреднѣйшія секты—молокане, хотя и держатся Священнаго Писанія, но *не принимаютъ присяги, никакой власти не признаютъ богопоставленной, повинуются, только поколику нельзя противиться.*

Безпоповщина признана Протасовымъ сектой вредной, хотя она принимаетъ бракъ и не отказывается молиться за царя; по симъ чертамъ могла бы считаться допустимой, рѣшительно вредна, ибо *проникнута духомъ демократическимъ.*

Оффиціальные изслѣдователи раскола, чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, доказывали *политическую* и *соціальную* опасность, чѣмъ и обусловливалась суровость отношенія правительства къ раскольникамъ съ 1850 г., что объясняется событіями революціоннаго характера, имѣвшими мѣсто въ то время въ Западной Европѣ.

Въ мѣстахъ, гдѣ проживали раскольники, *была усилена полиція. Раскольниковъ не утверждали въ общественныхъ должностяхъ.*

Административный изслѣдователь раскола, Липранди, утверждаетъ, что безпоповщина была „федеративно-религіозной республикой". Онъ сравниваетъ внутреннее устройство ихъ общинъ съ республиканскимъ строемъ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Пусть здѣсь будутъ нѣкоторыя преувеличенія. Во всякомъ случаѣ расколъ представляетъ огромный интересъ уже по одному тому, что онъ является движеніемъ строго и въ полномъ смыслѣ слова *демократическимъ.* Къ привиллегированнымъ классамъ расколъ у насъ не привился. „Привиллегированныя классы",—въ этихъ словахъ вся разгадка. Расколъ — земскій протестъ—замкнулся въ средѣ крестьянства и купечества,—въ этихъ двухъ протестантскихъ лагеряхъ.

Всѣ просвѣщенные и освѣдомленные люди теперь уже открыто признаютъ, что значеніе раскола и сектантства въ русской *народной* жизни чрезвычайно велико.

Возникаетъ вопросъ, — растетъ-ли сектантство или сокращается? Двухъ отвѣтовъ быть не можетъ.

Религіозныя увлеченія развиваются могучимъ потокомъ, выдѣляя новыя ручьи, въ видѣ разнообразныхъ сектъ, захватывая все новыя и широкія области.

Въ жизни русскаго народа наступила новая эра, новая эпоха. Подъ гнетомъ нужды и темноты народъ жадно, болѣзненно ищетъ путей къ свѣту, истинѣ. На почвѣ этихъ стремленій растетъ сектантство.

Этотъ взглядъ подтверждается и въ отчетѣ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, гдѣ говорится, что „никогда наша русская православнае перковь не имѣла такого опаснаго врага, какого она имѣетъ теперь въ лицѣ новѣйшаго раціоналистическаго сектантства, въ особенности штунды и толстовства“.

Тотъ же отчетъ приходитъ къ заключенію, что въ современномъ штундизмѣ „рѣзко выражены соціальныя тенденціи“ и затѣмъ констатируетъ, что „лжеученіе начинаетъ уже становиться достояніемъ народной массы и грозитъ православной церкви и государству нарожденіемъ въ православной Россіи атеизма и нигилизма“.

Такимъ образомъ, число отдѣльныхъ ученій, какъ раціоналистическихъ, такъ и мистическихъ, непрерывно у насъ растетъ, привлекая все больше послѣдователей.

И при серьезномъ анализѣ нашей дѣйствительности нельзя не признать, что причинъ, вызывающихъ и поддерживающихъ это явленіе слишкомъ много...

Въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія министерство внутреннихъ дѣлъ исчисляло цифру раскольничьяго населенія въ Россіи свыше восьми милліоновъ. Позднѣе спеціальные изслѣдователи повышали эту цифру сначала до 11, а потомъ до 14 и 15 милліоновъ человѣкъ.

Теперь Пругавинъ *) полагаетъ, что едва-ли не вѣрнѣе довести эту цифру до 20 милліоновъ.

*) См. его книгу „Старообрядчество во второй половинѣ XIX в. Очерки изъ новѣйшей исторіи раскола“. М. 1904.

И вотъ мы видимъ, что вся духовная и религіозно-этическая жизнь этихъ двадцати милліоновъ русскихъ людей, съ ихъ протестомъ, съ ихъ исканіями, идеалами и стремленіями никакъ не реагировала на талантъ Чехова, для него она, эта жизнь, не существовала.

Но для насъ изученіе раскола пріобрѣтаетъ особый интересъ въ виду того, что онъ обнаруживаетъ *подспудныя силы народа*.

Въ расколѣ мы только и видимъ настоящій символъ русской *народной* исторіи.

Тотъ же расколъ намъ доказалъ, что состояніе рабства не убило духовной жизни у большей части русскаго народа, и обширная раскольничья община уже въ царствованіе Александра I стояла живымъ протестомъ противъ крѣпостного права.

Тайна изумительнаго богатства и мощи нашей классической литературы заключается въ томъ, что она обладала заимствованной изъ самой жизни *руководящей общественной идеей*. Эту идею нетрудно выразить въ немногихъ словахъ: отрицаніе крѣпостного права.

Это была не только идея, но и цѣлое чувство, сильное и острое до боли. Недаромъ спокойный Тургеневъ, который никогда не былъ героемъ общественной борьбы, а, наоборотъ, отличался слишкомъ большой мягкостью и податливостью, чуть что не трусостью, писалъ о себѣ „въ моихъ глазахъ врагъ имѣлъ опредѣленный образъ; носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ, крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца—съ чѣмъ я поклялся никогда не примириться. Это была моя аннибаловская клятва; и не я одинъ далъ ее себѣ тогда“ *).

Откуда же, спрошу я, возникло это острое и непримиримое ощущеніе *врага*, откуда эта аннибаловская клятва?

*) Соч. Тургенева, изд. 1884 г., т. X. Литературныя воспоминанія, стр. 4.

Скажутъ, это вліяніе пришедшихъ къ намъ извнѣ идей, назовутъ десятокъ западно-европейскихъ мыслителей, ратовавшихъ за начала гражданской свободы, за права человѣка и гражданина. И это будетъ злой ошибкой, ибо мы имѣемъ передъ собой болѣе близкій и непосредственный источникъ,—императивную волю самого народа, въ нѣдрахъ котораго протестъ народился *органически*, внѣ всякаго вліянія чужеземныхъ идей. Такой протестъ былъ выраженъ расколомъ, и потому связь между нимъ и мощью нашей классической литературой болѣе чѣмъ очевидна.

Чрезвычайно важно помнить, что въ основѣ раскола, кромѣ мотивовъ религіозно-политическихъ, гражданскихъ и соціально-экономическихъ, лежала еще *жажда внутренняго человѣка*, т. е. тотъ мотивъ, который мы можемъ встрѣтить, напр., въ масонствѣ, проникшемъ, какъ извѣстно, съ запада въ кругъ нашей дворянской интеллигенціи, — подъ бѣлымъ фартукомъ, съ мракомъ таинственной комнаты, съ черепами скелетовъ, съ театральностью обрядовъ и странными одеждами.

Какое изъ этихъ двухъ движеній, одного снизу, а другого сверху, было непосредственнѣе, жизненнѣе и ярче, предоставляю судить читателю.

Исторія учитъ насъ, что сторонники пріобрѣтаются только тѣми ученіями, въ основѣ которыхъ лежитъ какое-либо высшее побужденіе, руководящее ими, какъ знамя. Это знамя можетъ быть забыто и даже попрано, но оно было. Знамя это—забота о *душѣ народа*, забота, какой не проявлялъ оффиціальный міръ Россіи, не проявляла и русская интеллигенція.

Исканія нѣкоторыхъ слоевъ, нашего народа доводили его иногда до фанатизма: сжигались по двѣ—по три тысячи человѣкъ за разъ.

Скажутъ, это грубость, изступленность. Пусть такъ. Но меня интересуетъ другое: насколько фанатизмъ, устремляющій тысячи людей на костры, гармонируетъ съ сѣренькой, вялой и безцвѣтной Чеховщиной?...

Традиціи тѣсной связи литературы съ обществомъ требуютъ отъ писателя не только служенія идеалу художественной красоты, но и выраженія народной совѣсти, народной гуманности, народнаго горя и печали, глубокаго проникновенія въ условія общественной и народной жизни.

Подумайте надъ расколомъ и скажите, въ чемъ выразилась связь Чехова съ народомъ?

Чеховъ и Россія.

Пять лѣтъ тому назадъ на чествованіи памяти Чехова въ Москвѣ проф. А. Н. Веселовскій въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ: „Чеховъ не остается выразителемъ одного какого-либо края, точно такъ же онъ не отдаетъ своего вниманія одному какому-либо кругу людей: *въ его творчествѣ вся Русь безъ остатка*. Онъ спускается до „дна“ и поднимается до высшихъ круговъ...

Еслибы мнѣ сказали, что это обычно банальное мѣсто изъ торжественной рѣчи, посвященной памяти умершаго (вѣдь о покойникахъ всегда почему-то отзываются лестно), или что профессорамъ не возбраняется иногда говорить нелѣпости, то, конечно, я не сталъ бы возражать.

Но этого нѣтъ, а потому является положительно необходимымъ протестовать противъ голословнаго утвержденія профессора, что въ творчествѣ Чехова *„вся Русь безъ остатка“*. При чемъ тутъ *вся* Русь, да еще безъ остатка (какая звонкая фраза!), если Чеховъ ее попросту не зналъ, да и знать не могъ, ибо вынужденъ былъ, ради продленія дней своихъ, систематически сторониться отъ гущи житейской. А у насъ, куда ни ступи, всюду гуща, и нигдѣ въ Европѣ ее столько не сыщешь.

Какъ же рисуетъ намъ Чеховъ эту самую „всю Русь, безъ остатка“? А вотъ какъ: Россія, по Чехову такая же

скучная и убогая страна, какъ Персія. По мнѣнію Пекарскаго*) — читай Чехова—она въ громадномъ большинствѣ состоитъ изъ людей неспособныхъ и никуда негодныхъ. Народъ же спился, облѣнился, изворовался и вырождается. Науки у насъ нѣтъ, литература неуклюжа, и все въ такомъ родѣ, и все смѣшно".

Русскаго интеллигента Чеховъ характеризуетъ, какъ безплодно переутомившагося, нравственно индифферентнаго и даже довольнаго идейнымъ оскудѣніемъ.

„Я не вѣрю въ нашу интеллигенцію, лицемѣрную, фальшивую, истеричную, лѣнивую, не вѣрю даже, когда она страдаетъ и жалуется"...

(Изъ письма Чехова къ И. И. Орлову, 22. II. 1899 г.).

Художественный анализъ Чехова (объ анализѣ вѣдь только и можно говорить, ибо синтетическое изображеніе жизни Чехову никогда не удавалось) какъ-то весь сосредоточился на изображеніи глупости, пошлости и бездарности русскаго человѣка и на безпросвѣтномъ погрязаніи его въ тинѣ обывательщины.

Чехову ничего не стоитъ увѣрять насъ въ „Трехъ сестрахъ", что въ стотысячномъ городѣ не съ кѣмъ сказать человѣческаго слова.

То-же самое онъ повторяетъ въ разсказѣ „Моя жизнь".

Убійственно мрачными красками нарисовалъ Чеховъ (разсказъ „Іонычъ") типъ земскаго врача (Старцева), демократа по факту своего рожденія и тѣмъ не менѣе не только свободнаго отъ какихъ бы то ни было идей, но скорѣе одержимаго исключительно зоологическими инстинктами.

Но, спрашивается, въ правѣ ли мы построить на этой обрисовкѣ какія бы то ни было обобщенія, а не разсматривать Старцева, какъ обословленнаго индивида, если въ другомъ разсказѣ („Жена") самъ Чеховъ описываетъ нѣкоего доктора Соболя, который любитъ вдову—помѣщицу,

*) „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка".

интеллигентную женщину, но бываетъ у нея рѣдко, такъ такъ *занятъ дѣломъ съ утра до ночи* и совсѣмъ не имѣетъ свободнаго времени.

Въ разсказѣ „Крыжовникъ“ читаемъ: „какъ въ сущности много довольныхъ счастливыхъ людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемѣріе, вранье... Между тѣмъ во всѣхъ домахъ тишина и спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ *ни одного*, который бы вскрикнулъ, громко возмутился. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащатъ на кладбище своихъ покойниковъ; *но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ... Все тихо, спокойно, и протестуетъ одна только нѣмая статистика*: столько-то съ ума сошло, столько-то ведеръ выпито, столько-то дѣтей погибло отъ недоѣданія“.

Жалко, скажу я, что мудрая статистика не въ состояніи опредѣлить, сколько въ этой тирадѣ здраваго смысла и правды и сколько вздора и простого невѣдѣнія. А это была бы любопытная статистика! Всѣ ли сильные наглы и праздны? Всѣ ли слабые невѣжественны и скотоподобны? Дѣйствительно ли кругомъ вырожденіе, лицемѣріе и враньё? Дѣйствительно ли во всѣхъ домахъ тишина и спокойствіе и абсолютно нѣтъ кричащихъ и возмущенныхъ? Благодушно ли тащатъ люди на кладбище своихъ покойниковъ? Наконецъ, правда ли, что мы не видимъ и не слышимъ страдающихъ и что протестуетъ одна только нѣмая статистика?.. Предоставляю отвѣтить на всѣ эти вопросы самому читателю. Относительно же послѣдняго скажу, что даже въ произведеніяхъ Чехова можно найти примѣры обличительнаго протеста (ср. монологи доктора въ разсказѣ „Княгиня“).

Въ разсказѣ „Дама съ собачкой“ читаемъ: „какіе дикіе нравы, какія лица! Что за безтолковыя ночи, какіе неинтересные, незамѣтные дни! Неистовая игра въ карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры все объ одномъ и томъ. Ненужные дѣла и разговоры все объ одномъ отхватываютъ на свою долю лучшую часть времени, лучшія силы, и въ концѣ концовъ остается какая-то куцая, безкрылая жизнь, какая-то чепуха, и уйти и бѣжать нельзя, точно сидишь въ сумасшедшемъ домѣ или въ арестантскихъ ротахъ“.

„Никакихъ глубокихъ общественныхъ теченій у насъ нѣтъ и не было,—читаемъ мы въ разсказѣ „Моя жизнь“. Мало-ли чего не выдумала новая литература. Она выдумала еще какихъ-то интеллигентныхъ труженниковъ въ деревнѣ, а у насъ обыщите всѣ деревни и найдете развѣ неуважай—корыто въ пиджакѣ или черномъ сюртукѣ, дѣлающаго въ словѣ „еще“ четыре ошибки. Культурная жизнь у насъ еще не начиналась. Та же дикость, то же сплошное хамство, то же ничтожество, что и пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Теченія, вѣянія, но вѣдь все это мелко, мизерабельно, притянуто къ пышнымъ, грошовымъ интересикамъ — и неужели въ нихъ можно видѣть что-нибудь серьезное?.. Съ глубокими общественными теченіями погодимъ: мы еще не доросли до нихъ и, по совѣсти, ничего въ нихъ не понимаемъ“.

Чеховъ говоритъ намъ, что Россіи нужны люди дѣла, работники, а пока въ ней подавляюще преобладаютъ во всѣхъ классахъ общества недотепы. Откуда же прійдутъ эти люди дѣла, эти работники, Чеховъ не говоритъ и не знаетъ самъ, откуда. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ сказать, откуда имъ прійти, если, куда ни глянь, вездѣ дрянь.

По Чехову выходитъ, что у насъ въ Россіи *всѣ* инже-

неры крадутъ, что *всѣ* чиновники берутъ взятки, что *всѣ* гимназисты, чтобы переходить изъ класса въ классъ, поступаютъ на хлѣба къ своимъ учителямъ (берутъ, значитъ, и учителя), что *всѣ* врачи и ветеринары облагаютъ налогомъ мясныя лавки и трактиры, что *всѣ* училища торгуютъ свидѣтельствами на льготу по третьему разряду, что *всѣ* благочинные берутъ съ подчиненныхъ причтовъ и церковныхъ старостъ, что во *всѣхъ* управахъ требуютъ такъ называемой „благодарности".

Дѣйствительно ли въ русской жизни не было борьбы осмысленной, нравственно возвышающей, увлекательной и смѣлой?

Несомнѣнно, наша жизнь всѣхъ давила, но вѣдь есть люди, которые стремились и стремятся сдѣлать эту жизнь иной. Значитъ, была борьба и есть борьба, и есть результаты. Отрицать все это могъ только человѣкъ, который однажды самъ про себя сказалъ, что „душа его вкушаетъ хладный сонъ" (Чеховъ).

Соотношеніе борющихся силъ у насъ великолѣпно характеризуется словами поэта:

„Да, правда, зло еще могуче,
И не стѣсненъ его просторъ,
Но свѣтъ даетъ враждебной тучѣ
Все чаще, все грознѣй отпоръ.

. . . . . .

Ломая зимній ледъ, весна идетъ, идетъ"!

П. И. Вейнбергъ.

Посмотрите, какіе великолѣпные совѣты давалъ иногда Чеховъ своимъ собратьямъ по перу: „будьте объективны, взгляните на все окомъ *добраго* человѣка и засядьте писать повѣсть или пьесу изъ русской жизни, *не критику* на русскую жизнь, а *радостную* пѣснь щегла по поводу русской жизни"... (Изъ письма Чехова къ И. Л. Щеглову).

А гдѣ же радостныя пѣсни Чехова о русской жизни? Затерялись...

Чеховъ любилъ преподавать своимъ коллегамъ по перу ходячія истины, но самъ ихъ не исповѣдывалъ. „Вѣдь, кромѣ турнюровъ и дачныхъ мужей, на Руси есть много еще кое-чего интереснаго“,—пишетъ онъ по поводу Щегловскаго „Дачнаго мужа“, упуская изъ вида, что кромѣ „Чеховщины“ на Руси есть много кое-чего сильнаго и интереснаго.

Но Чехову оказалось не легко (это признаетъ и г. Волжскій) проникнуться новымъ и безусловно чуждымъ ему настроеніемъ, не легко отрѣшиться отъ излюбленныхъ красокъ. И вотъ мы видимъ, что сѣренькій фонъ сталъ для Чехова „футляромъ“.

Самая любовь Чехова къ родинѣ и къ родному,—любовь вялая, сѣренькая, безъ огня,—обезображена жалостью и отвращеніемъ къ ней.

Нѣкоторые литературные критики ставятъ Чехову въ заслугу, что въ его произведеніяхъ нѣтъ ни одной крикливой нотки.

А между тѣмъ, русская жизнь была въ это время (и особенно въ послѣднія 7—8 лѣтъ жизни Чехова) полна именно криковъ. Но, очевидно, крики эти не достигали слуха писателя, который сознательно уходилъ отъ всего суетнаго и шумнаго.

То, что въ Россіи, на общественныхъ низахъ, имѣли мѣсто такіе факты, какъ, напр., появленіе духоборовъ, съ ихъ идеалами и практическимъ укладомъ жизни, какъ будто ровно ничего не говорило Чехову. Какіе, молъ, тамъ духоборы, какіе тамъ идеалы? Интеллигенція — дрянь и мужики—дрянь. Вотъ и вся недолга.

Если хотя на моментъ признать отраженіе Чеховымъ русской дѣйствительности правильнымъ, т. е. другими словами, вмѣстѣ съ нимъ констатировать, что вся страна

сплошь состоитъ изъ „недотепъ“, *тогда необходимо прежде всего оправдать и бюрократизмъ, и опеку власти надъ личностью и обществомъ, и прочіе институты, не имѣющіе ничего общаго съ самодѣятельностью народа и ей завѣдомо враждебные.*

Чеховъ и русское студенчество.

Какъ оцѣнилъ Чеховъ русскаго студента?

Студентъ Трофимовъ, по Чехову („Вишневый садъ“), умѣетъ только хорошія слова говорить. Но слова не сливаются у него съ дѣломъ, а мысль не воплощается въ работѣ. А такъ какъ у Чехова нигдѣ другой, болѣе отрадной, обрисовки русскаго студента не дано, то остается характеристику Трофимова примѣнить ко всему нашему студенчеству.

Между тѣмъ, быть можетъ, ни въ чемъ такъ ярко не сказываются особенности Россіи по сравненію съ западнымъ міромъ, какъ именно въ той роли, которую играетъ учащаяся молодежь въ нашей общественной жизни.

Во Франціи, Англіи и Германіи студенты обыкновенно не выходятъ изъ рамокъ ученичества; у насъ же наибольшее напряженіе общественныхъ интересовъ обнаруживается именно въ университетскіе годы.

Во время прохожденія наукъ мы словно отбываемъ своего рода воинскую повинность подъ знаменами общественныхъ идеаловъ.

Учащаяся молодежь служитъ странѣ своимъ энтузіазмомъ, какъ немногіе работники зрѣлаго возраста служатъ ей своей дѣятельностью.

Это чудный періодъ нравственнаго цвѣтенія русской души, въ этотъ періодъ происходятъ незримыя завязи на всю жизнь.

Разставаясь съ наукой, молодежь, прежде чѣмъ загасить свой свѣтильникъ, сообщаетъ огонь тысячамъ другихъ юношей, смѣняющихъ ее въ аудиторіяхъ. Въ этомъ то преемственномъ храненіи священнаго огня общественныхъ стремленій и заключается главное соціальное призваніе русской учащейся молодежи.

У насъ она представляетъ не только собраніе будущихъ спеціалистовъ-юристовъ, докторовъ, педагоговъ, инженеровъ и т. д., какъ въ Западной Европѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и живой, вѣчно обновляемый источникъ общественной совѣсти.

Въ самые черные дни, въ самыя безнадежныя эпохи русской общественности, когда, по выраженію поэта,

„Свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бѣжалъ пугливо“,

учащаяся молодежь мужественно стояла подъ грозовой тучей и заботливо хранила въ глубинѣ сердецъ святые завѣты.

Когда наступили лучшія времена, требовавшія дружной работы воодушевленныхъ любовью къ народу дѣятелей, затаенныя въ сердцахъ искры разгорѣлись въ величественное пламя, освѣтившее паденіе старыхъ крѣпостническихъ порядковъ и закладку фундамента новой Россіи.

Высшая потребность общества заключается въ томъ, чтобы гдѣ-нибудь вѣчно горѣлъ не угасающій очагъ общественной совѣсти, и волею судебъ главной хранительницей его была у насъ учащаяся молодежь. Съ тѣхъ поръ, какъ зародилось на Руси общественное сознаніе, событія и лица получали свое значеніе по тому освѣщенію, которое падало на нихъ отъ этого очага. Признанные молодежью авторитеты становились фактическими руководителями духовной жизни общества. Она вѣнчала и развѣнчивала, возводила на пьедесталъ и сокрушала дутыя репутаціи. По праву чуткости и правдолюбія она играла роль почти безапелляціоннаго судьи въ спорахъ выдающихся умовъ своего времени, и долгіе годы ей безраздѣльно принадлежала нравственная гегемонія.

Можно смѣло сказать, что источникъ ея таился не въ умудренности разума учащейся молодежи, а въ дѣвственной чистотѣ сердца. Она помнила и хранила то, что другіе успѣли забыть и потерять,—идею исторической отвѣтственности передъ народомъ и чувство горячей любви къ нему,—и въ этомъ чувствѣ находила вѣрный указатель къ рѣшенію самыхъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ.

Я долженъ оговориться, что я далекъ отъ мысли исчерпать по существу вопросъ о роли нашего студенчества въ политической и культурной исторіи Россіи XIX вѣка. Это—обширная и благодарная тема для вполнѣ самостоятельнаго изслѣдованія; нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи уже сдѣланы *), и мнѣ только остается отослать читателей, интересующихся ближе этимъ вопросомъ къ спеціальной литературѣ, къ хроникѣ политическихъ процессовъ, къ многочисленнымъ правительственнымъ сообщеніямъ и т. д.

Выводы, несомнѣнно, получатся слѣдующіе; не было ни одного сколько-нибудь крупнаго вопроса въ русской общественной жизни, къ которому горячо не относилось-бы наше студенчество. Всякое живое дѣло, всякій разумный и не фальсифицированный общественный починъ встрѣчали съ его стороны самый чуткій откликъ. Когда нужны были жертвы, студенчество приносило ихъ, не скупясь.

Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, какой невѣроятно дорогой цѣной для многихъ покупалось самое право стать студентомъ, и какими лишеніями обставлялось четырехъ—или—пятилѣтнее пребываніе въ университетѣ.

Чтобы преодолѣть всѣ эти трудности, нуженъ духъ живой, нужна бодрость, энергія и сила стремленія. А это все элементы глубоко положительные.

Гдѣ-же ихъ обрисовка у Чехова?..

Переписи столичнаго населенія неоднократно регистрировали среди обитателей коечно каморочныхъ жилищъ и ночлежныхъ домовъ слушательницъ высшихъ курсовъ.

---

*) Роль молодежи въ обществ. жизни Россіи „Русская Земля".

Жить въ ночлежкѣ и посѣщать храмъ науки! Надъ этимъ нужно призадуматься...

Впрочемъ, я уклонюсь отъ иллюстрацій: кто желаетъ и кто способенъ понять руководящую идею этой книги, тотъ пойметъ ее и безъ иллюстрацій.

Я утверждаю, что русское студенчество обоего пола проявило, начиная съ 40-хъ годовъ минувшаго столѣтія, слишкомъ много героизма духа, благородства и возвышенныхъ стремленій, беззавѣтности и преданности общественнымъ идеаламъ грядущаго, слишкомъ много самоотверженности и нравственной чистоты для того, чтобы русскій беллетристъ, претендующій на званіе талантливаго бытописателя, могъ пройти мимо него.

И Чеховъ не прошелъ мимо. Онъ разсѣяннымъ окомъ поглядѣлъ на эту сѣрую копошащуюся массу и, не найдя въ ней ничего привлекательнаго, наклеилъ на нее свою излюбленную этикетку: *„недотепы“*.

Чеховъ и русское чиновничество.

Изображая чиновный міръ, Чеховъ повторялъ зады и абсолютно проглядѣлъ вновь народившіеся типы чиновниковъ—талантливыхъ и сильныхъ карьеристовъ, съ одной стороны, и—протестантовъ, съ другой *). Все это молодая Россія и возникла она не вдругъ.

Вѣдь не могли же вдругъ народиться люди, которые еще до октябрьскаго манифеста (1905 г.) привѣтствовали земскій съѣздъ въ Москвѣ и свидѣтельствовали передъ нимъ свое настроеніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Мы, служащіе въ государственныхъ учрежденіяхъ, восторженно привѣтствуемъ васъ, представителей земской Россіи, и желаемъ вамъ какъ необходимой твердости въ

*) Въ газетѣ „Право“ за 1905 г. читатель найдетъ весьма любопытную записку „Отъ чиновниковъ къ чиновникамъ“.

предстоящей важной и отвѣтственной передъ всѣмъ народомъ работѣ, такъ и полнаго въ ней успѣха.

Мы ждемъ, что съѣздъ немедленно и рѣшительно провозгласитъ необходимость установленія прочныхъ формъ участія представителей всей Россіи въ законодательствѣ и управленіи.

Да будетъ настоящій моментъ поворотнымъ моментомъ нашей исторіи, первой побѣдой творческихъ силъ страны надъ сковывающими ее цѣпями современнаго режима и да вступитъ наше отечество на путь свободнаго развитія".

А сколько другихъ важныхъ и серьезныхъ теченій въ эволюціи русскаго чиновничества положительно проглядѣлъ Чеховъ?

Въ результатѣ его картинки не могутъ претендовать на сколько-нибудь серьезное значеніе. Это—куцая и не талантливая каррикатура на русское чиновничество.

Не нужно забывать, что чиновныя мѣста давно перестали быть у насъ достояніемъ сословнаго класса, и девять десятыхъ этихъ мѣстъ заняты интеллигенціей, въ значительной степенн демократической и по происхожденію, и по господствующимъ среди нея настроеніямъ. У Чехова она не представлена, какъ не представлена и сильная, крутая власть.

Чеховъ и женщины.

Какъ бы ни относиться къ женщинѣ, но нельзя не признать, что во всѣхъ областяхъ жизни она играетъ чрезвычайно видную роль. На такое признаніе можно, безъ особаго труда, вызвать логическими путями даже отъявленныхъ циниковъ вродѣ депутата нашей Государственной Думы, П—ча и ему подобныхъ.

Юный Отто Вейнингеръ, попытавшійся своей книгой „Полъ и характеръ" дискредитировать, унизить женщину,

въ ея существѣ, не нашелъ въ жизни другого исхода, какъ въ двадцать три года покончить самоубійствомъ. Это болѣе, чѣмъ знаменательно...

И мы знаемъ, что для художника такая развязка, теоретически, еще ближе, чѣмъ для ученаго и мыслителя, при чемъ, конечно, эту развязку отнюдь не обязательно понимать, какъ физическая смерть индивида, ее можетъ замѣнить самоубійство сердца.

Такое явленіе мы наблюдаемъ у Чехова.

Его отношеніе къ женщинѣ? Этимъ вопросомъ занимались мало и поверхностно, а между тѣмъ, право же, онъ достаточно интересенъ, чтобы его не обходить молчаніемъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы получимъ отчасти изъ произведеній, отчасти изъ интимной переписки Чехова. На основаніи того и другого не трудно будетъ сдѣлать нѣкоторыя обобщенія, не рискуя при этомъ заслужить упрека въ предвзятости, ибо источникомъ являются слова и мысли самого Чехова.

„Для большинства нашихъ барышенъ,—читаемъ у Чехова („Человѣкъ въ футлярѣ"),—за кого ни выйти, лишь бы выйти..."

Это тенденціозный и несправедливый упрекъ, и можно лишь искренно пожалѣть, что Чехову *не довелось* наблюсти массы совершенно противоположныхъ явленій, а именно весьма опредѣленной разборчивости у русской дѣвушки, которая сплошь и рядомъ не останавливается передъ различными жертвами ради осуществленія своихъ сокровенныхъ желаній.

Въ „Чайкѣ" Чеховъ преподноситъ зрителю исключительный раритетъ—Машу, нюхающую табакъ и пьющую водку, точно это въ самомъ дѣлѣ такъ ужъ характерно для русской женщины, и вкладываетъ въ уста Машѣ такое признаніе о женщинахъ: „меньшинство пьетъ открыто, а большинство—тайно".

Аня въ „Вишневомъ саду" какая-то не современная гимназистка,—слишкомъ сантиментальная, слишкомъ неопредѣленно восторженная.

Какъ-то случайно, внѣ программы, Чеховъ обронилъ довѣрчивое слово: „лишь отъ однѣхъ дѣвушекъ вѣяло нравственной чистотой; у большинства изъ нихъ были высокія стремленія, честныя, чистыя души; но...“ И Чеховъ, точно спохватившись, торопится своимъ „но“ дискредитировать и честныя, чистыя души, и высокія стремленія русской дѣвушки, и ея нравственную чистоту. „Онѣ,—говоритъ Чеховъ,—не понимаютъ жизни, выйдя замужъ, быстро старятся и опускаются, и безнадежно тонутъ въ тинѣ пошлости и мѣщанскаго существованія. („Моя жизнь“).

Итакъ, Чеховъ не замѣтилъ ничего большаго, чѣмъ то, что наши матери, жены, сестры и дочери *безнадежно* тонутъ въ тинѣ пошлости.

Это говоритъ художникъ, которому отъ природы дано видѣть больше, проникать глубже и мыслить благороднѣе, чѣмъ заурядъ — человѣку!

Тутъ весь Чеховъ — безъ остатка.

Я не хочу сравненій, ибо ихъ можно было бы привести слишкомъ много для того, чтобы показать, какъ *не похожъ* Чеховъ на большихъ художниковъ. Какъ зло посмѣялся бы онъ, напримѣръ, надъ Леонардо-да-Винчи за его отношеніе къ женщинѣ, за то, что наивный флорентинецъ не замѣчалъ, что женщина, выйдя замужъ, полнѣетъ.

Мопассанъ и тотъ съумѣлъ возвыситься надъ тривіальной обывательской хулой по адресу женщины и нарисовалъ намъ проститутку съ кристаллически чистой душой, самоотверженную, честную и мужественную.

Чеховъ не видѣлъ и не могъ видѣть ничего, кромѣ пошлости.

Вы только вникните въ ужасный смыслъ слѣдующаго признанія:

„Жена моя очень порядочный и не глупый человѣкъ и добрая душа“, — пишетъ Чеховъ В. М. Соболевскому, извѣщая его о своей женитьбѣ. Такой отзывъ о женщинѣ, съ которой человѣкъ соединилъ себя узами брака, мнѣ показался необычнымъ. И чѣмъ больше думалъ я о немъ,

тѣмъ грустнѣе становилось мнѣ за Чехова, ибо онъ ничего большаго не могъ сказать о своей женѣ: онъ выставилъ ей три съ половиной балла,—ни больше, ни меньше.

Прежде, чѣмъ записать эти строки, я опросилъ, быть можетъ, сотню русскихъ дѣвушекъ и женщинъ и отъ всѣхъ отъ нихъ получилъ одинъ отвѣтъ, что онѣ были бы до глубины души оскорблены подобнымъ о нихъ отзывомъ, подобной оцѣнкой, гдѣ къ кисло-сладкой водицѣ благодушія присоединяется еще неумѣстный анализъ холоднаго сердца.

Такъ можетъ говорить дряхлѣющій разсудокъ, но не любовь, ей такія слова незнакомы. И кажется страннымъ, зачѣмъ Чехову понадобилось добровольно расписываться въ томъ, что въ его сердцѣ уже царила осень, съ полинявшими красками, съ поблекшими цвѣтами, съ пожелтѣвшей листвой и угасшимъ зноемъ лѣтняго солнца?.. Для моей работы это признаніе во всякомъ случаѣ важный документъ.

Считаясь со всей огромной для пониманія художника важностью этого документа, я невольно вспоминаю, что однажды говорили при мнѣ о Чеховѣ: „Чеховъ любилъ въ женщинѣ не душу"...

Тогда понятно и все остальное.

Чеховъ и Горькій.

Я утверждаю, что наша *народная* жизнь не знала реакціи 80-хъ годовъ. Въ глубинѣ народной жизни шла неустанная работа. Чеховъ же не только не подмѣтилъ этой работы, но даже грубо отрицалъ ее.

Максимъ Горькій въ этомъ отношеніи—противуположность (почти антиподъ), Чехову: несмотря на явную тенденціозность его, Горькаго, творчество пріобрѣтаетъ огромную цѣнность, благодаря стремленію проникнуть въ народ-

ную психику, опуститься на самое дно того безбрежнаго моря страстей, желаній, иногда, можетъ быть, смутныхъ порывовъ, исканій, идеаловъ, какимъ по всей справедливости является жизнь многомилліоннаго народа, еще не сказавшаго громко и дерзко своего слова ни въ исторіи родной земли, ни въ исторіи міровой. Опуститься на дно и найти тамъ кладъ!

Въ произведеніяхъ Горькаго,—говоритъ Мережковскій,—есть правдивѣйшій подлинникъ жизни съ тѣломъ и кровью... Въ нихъ есть нечаянная красота, есть обаятельная эстетика. И чутье не обмануло толпу: въ Горькомъ она увидѣла огонь. Горькій открылъ новый материкъ духовнаго міра.

За это одно стремленіе хочется рукоплескать Горькому, хочется забыть много вздорнаго и ненужнаго какъ въ его литературѣ, такъ и въ его жизни, хочется вѣрить, что одно это пламенное стремленіе заставитъ насъ признать за Горькимъ право на извѣстное положеніе въ нашей литературѣ и сохранить это положеніе по возможности надолго.

Чеховъ и Короленко.

Волжскій ставитъ В. Г. Короленко, по его идейному направленію, совершенно въ сторону, какъ яко-бы чуждаго господствовавшихъ въ 80-е годы настроеній, какъ человѣка иной идейной атмосферы, полнаго бодрой вѣры въ жизнь и въ свои идеалы, глубоко проникнутаго *рѣзко опредѣленными убѣжденіями и стремленіями.*

Значитъ, Короленко—не дитя своего времени?

А между тѣмъ, самая значительная часть его художественнаго творчества хронологически совпадаетъ именно съ 80-ми годами.

Невольно возникаетъ серьезный вопросъ: кто же изъ двухъ писателей—современниковъ далъ намъ больше художественной правды?

Предоставимъ въ разрѣшеніи этого вопроса слово самому Чехову.

Въ одномъ изъ писемъ къ В. Г. Короленко онъ, между прочимъ, говоритъ о себѣ: „изъ всѣхъ нынѣ благополучно пишущихъ россіянъ я самый легкомысленный... Вы же серьезны, крѣпки и вѣрны...“

Я, съ своей стороны, не возражаю.

Чеховъ и Толстой.

Когда приходится характеризовать отношеніе Чехова къ простому русскому народу вообще и къ мужику въ частности, невольно возникаетъ желаніе провести параллель между взглядами Чехова и Толстого. Это тѣмъ болѣе важно, что вѣдь въ концѣ концовъ намъ приходится считаться не съ той или иной оцѣнкой интересующаго насъ объекта, а съ самимъ объектомъ.

Находясь долгое время въ обществѣ солдатъ, аристократъ-Толстой съумѣлъ полюбить русскій простой народъ, полюбить уже сердцемъ, а не только разсудкомъ, какъ это было подъ вліяніемъ просвѣтительной философіи.

Солдаты это — излюбленные герои величайшаго произведенія Толстого „Войны и Мира“, это они научили впослѣдствіи Пьера Безухова правдѣ жизни.

Въ простомъ народѣ Толстой видѣлъ дѣтей, большихъ, хорошихъ дѣтей, въ *чистомъ* сердцѣ которыхъ грязь жизни еще не оставила ни одного пятна.

Толстой наблюдалъ въ простомъ народѣ *мужество жизни* и видѣлъ въ немъ красоту.

И надо быть дѣйствительно большимъ человѣкомъ и обладать проницательнымъ взглядомъ художника, чтобы

разсмотрѣть эту красоту и умѣть любоваться ею. Толстой съумѣлъ сдѣлать это, и почва для любви къ народу и сердечной къ нему привязанности была готова. Нехлюдовщина, теоретическое признаніе отвѣтственности передъ мужикомъ, красивыя фразы просвѣтительной философіи отчасти на Кавказѣ, но главнымъ образомъ подъ стѣнами Севастополя, замѣнились у Толстого другимъ, болѣе прочнымъ и высокимъ чувствомъ—*любовью и преклоненіемъ передъ красотой души.* Пока эта красота выражалась прежде всего въ храбрости. Впослѣдствіи Толстой разсмотрѣлъ и большее—*мужество жизни.*

Толстого плѣнили это молчаливое, безсознательное величіе и твердость духа, эта стыдливость передъ собственнымъ достоинствомъ. Молчаливый героизмъ безъ эффектныхъ фразъ, безъ всякаго тщеславнаго желанія выставить себя и сосредоточить на себѣ вниманіе, и вмѣстѣ съ этимъ милое, нѣжное добродушіе русскаго солдата, умѣющаго быть деликатнымъ, какъ любящая женщина, полностью изображены Толстымъ въ его Севастопольскихъ разсказахъ.

Онъ вдохновляется прежде всего этимъ, и вы ясно видите, что онъ любитъ (а не просто описываетъ) то, чѣмъ вдохновляется.

Въ народной душѣ Толстой учуялъ нѣчто таинственное, прекрасное и чистое, какъ звѣзда на небѣ. И онъ склонился передъ этимъ, и вѣра въ народъ утвердилась въ его сердцѣ разъ на всю жизнь. Какъ ни мѣнялось впослѣдствіи міросозерцаніе Толстого, какъ ни глубоко погружался онъ въ безнадежное отрицаніе—эта вѣра спасала его и вызывала послѣ каждаго паденія къ новой жизни, къ новой работѣ.

Толстой построилъ свою эпопею „Войны и Мира“ на противопоставленіи молчаливаго героизма народа тщеславной суетливости интеллигенціи.

Болѣе того, мы знаемъ, чѣмъ въ концѣ концовъ завершились у Толстого исканія правды, и какимъ путемъ достигъ онъ если и не полнаго счастья, то по крайней

мѣрѣ спокойствія духа (чего мы не видимъ у Чехова). Для этого Толстому понадобилось не только сердцемъ своимъ, но и разумомъ, но и всей жизнью, ея обстановкой и обиходомъ, стать органической частицей простой народной массы.

А для этого, право же, нужно нѣчто большее, чѣмъ простой капризъ.

Прекрасно сказалъ однажды по этому поводу Н. К. Михайловскій: „легко было Прудону вѣровать въ народъ и требовать отъ другихъ такой же вѣры, когда онъ самъ вышелъ изъ народа: онъ вѣровалъ въ себя".

Такого непосредственнаго единенія между Толстымъ и народомъ нѣтъ... вся обстановка, всѣ условія жизни, начиная съ пеленокъ, гнали Прудона къ тѣмъ выводамъ, которые онъ считалъ истиной; всѣ условія жизни Толстого, напротивъ, гнали его въ сторону отъ того, что онъ считаетъ истиной. И если онъ все-таки пришелъ къ ней, то вы должны признать, что это мыслитель честный и сильный, *которому* довѣриться можно, котораго уважать должно".

И дѣйствительно, рѣдко кому изъ нашихъ писателей довелось такъ тѣсно сблизиться съ крестьянскимъ міромъ, какъ Толстому, особенно во время его учительства въ Ясно-Полянской школѣ и мирового посредничества. Каждый день ему приходилось разговаривать съ различными „опчествами" или депутатами этихъ обществъ и вести долгія задушевныя бесѣды съ крестьянскими ребятами, бесѣды, такъ подробно описанныя имъ въ IV томѣ его сочиненій.

Когда Толстымъ овладѣло сомнѣніе, онъ обратился къ тому, кто всегда спасалъ его, кто всегда съ ласковой, доброй улыбкой протягивалъ ему, утопающему, руку — *къ народу, къ массѣ.*

„Благодаря, — говоритъ онъ,—какой-то странной физической любви къ настоящему рабочему народу, заставившей меня *понять* его и увидѣть, что онъ не такъ глупъ,

какъ мы думаемъ, — я чуялъ, что если я хочу понимать смыслъ жизни, то искать этого смысла жизни мнѣ надо не у тѣхъ, которые утеряли его и хотятъ убить себя, а у тѣхъ, которые дѣлаютъ и на себѣ несутъ свою и нашу жизнь. И я оглянулся на огромныя массы людей, живших вокругъ меня".

Толстой считаетъ коллективную волю главнымъ двигателемъ.

Чеховъ идетъ по другому пути, хотя и замѣчаетъ:

„Въ нашихъ талантахъ много фосфора, но нѣтъ желѣза. Мы, пожалуй, красивыя птицы и поемъ хорошо, но мы *не орлы*".

(Изъ письма Чехова къ И. Л. Щеглову).

Послушайте, что говоритъ Тригоринъ въ „Чайкѣ" о своей литературной дѣятельности: „едва вышло изъ печати, какъ я не выношу и вижу уже, что оно *не то, ошибка, что его не слѣдовало бы писать вовсе,* и мнѣ досадно, на душѣ дрянно... А публика читаетъ: „да, мило, талантливо... Мило, но далеко до Толстого". Или: „прекрасная вещь, но „Отцы и дѣти" Тургенева лучше". И такъ до гробовой доски все будетъ только мило и талантливо"...

Я ни на минуту не сомнѣваюсь, что устами Тригорина здѣсь говоритъ самъ Чеховъ. Это онъ не доволенъ своимъ творчествомъ, это онъ усматриваетъ въ немъ какую то ошибку, это онъ считаетъ свою литературу ошибкой, которой не слѣдовало бы допускать, ибо послѣ нея „на душѣ дрянно", „досадно", это онъ, наконецъ, не можетъ забыть про лавры Тургенева и Толстого, которые рисовали реальную жизнь, съ проблесками и просвѣтами, жизнь, согрѣтую любовью и осѣненную вѣрой.

Тотъ же Тригоринъ („Чайка") признается, что любитъ и чувствуетъ природу, но, — говоритъ онъ, — „вѣдь я не пейзажистъ только, я вѣдь еще гражданинъ, я люблю родину, народъ, я чувствую, что если я писатель, то я обязанъ говорить о народѣ, объ его страданіяхъ, объ его будущемъ, говорить о наукѣ, о правахъ человѣка и проч. и

проч. А между тѣмъ, — продолжаетъ Тригоринъ,—я вижу, что жизнь и наука все уходятъ впередъ, а я все отстаю и отстаю и въ концѣ концовъ чувствую, что умѣю писать только пейзажъ, а во всемъ остальномъ я *фальшивъ* и *фальшивъ до мозга костей*".

Опять невольная исповѣдь самого Чехова, исповѣдь, дающая превосходный матерьялъ для оцѣнки его творчества и опредѣляющая его роль и значеніе въ нашей литературѣ.

Чеховъ и Генрикъ Ибсенъ.

С. Венгеровъ полагаетъ *), что второй періодъ творчества Чехова носитъ на себѣ явные слѣды вліянія Генрика Ибсена.

Въ чемъ почтенный критикъ усмотрѣлъ слѣды этого вліянія, мнѣ совершенно непонятно.

Біографъ такъ описываетъ наружность Ибсена: вся фигура производитъ впечатлѣніе *боевой силы*. Никто не слыхалъ, чтобы Ибсенъ когда нибудь хворалъ. Даже недуги, составляющіе обычное явленіе въ преклонномъ возрастѣ, пощадили его. *Онъ весь какъ бы представлялъ изъ себя олицетворенное здоровье*. Ни вѣтеръ, ни буря, ни холодъ, ни дождь,—ничто не смущаетъ его.

Ибсенъ и Чеховъ!

Да вѣдь тутъ прямо нѣчто несоизмѣримое: Ибсенъ,— титанъ мірового духа, Чеховъ — вялый нытикъ. Ибсенъ съумѣлъ быть близкимъ и своему родному народу и цѣлому человѣчеству. Вспомнимъ Ибсена въ романтическій періодъ развитія его творчества, завершившійся драмой „Воители на Гельголандѣ", когда онъ принималъ дѣятельное участіе въ національномъ движеніи, охватившемъ Норвегію въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Вѣдь его

*) См. его статью о Чеховѣ, Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона, 76 полутомъ, стр. 779.

патріотическія драмы, внушенныя древними норвежскими преданіями, составили ему тогда литературное имя.

Чеховъ стяжалъ себѣ лавры литературными анекдотами, которые читались въ домашнемъ кругу и съ подмостковъ для потѣхи, и цѣль достигалась съ успѣхомъ.

Творческій размахъ Ибсена отличаютъ страстность, смѣлость и дерзость. А ибсеновскій идеализмъ! Въ любви онъ соперничаетъ съ Платономъ и Дантэ.

Каждый шагъ Ибсена къ славѣ отмѣченъ не возрастающей любовью, а возрастающей ненавистью толпы. Такова сила: ее ненавидятъ, но не могутъ ей не покориться.

Въ послѣднихъ своихъ драмахъ Ибсенъ подвергаетъ критикѣ не норвежскій бытъ, а основы всей современной европейской жизни. Онъ требуетъ коренного преобразованія всѣхъ нашихъ нравственныхъ понятій, всѣхъ человѣческихъ отношеній, независимо отъ того, идетъ ли рѣчь о норвежцахъ, французахъ, нѣмцахъ, англичанахъ или русскихъ.

Чеховъ до такихъ предѣловъ никогда не возвышался. Трагизмъ въ произведеніяхъ Ибсена граничитъ съ высшей красотой: онъ — и безнадежность, онъ — и огонь человѣческой жизни, то, отъ чего мы гибнемъ и за что стоитъ погибнуть. Всюду Ибсенъ показываетъ намъ, что земное существованіе нельзя ограничить земными предѣлами, что люди живутъ и страдаютъ для прекрасныхъ и одинокихъ мгновеній высокаго идеализма.

Ибсенъ, по словамъ Мережковскаго, несмотря на свой вѣчный ропотъ, возмущеніе и отрицаніе старыхъ боговъ, является однимъ изъ самыхъ сильныхъ подготовителей того великаго умственнаго поворота отъ разрушительныхъ теорій къ созидающей философской и художественной работѣ, который мы переживаемъ въ настоящее время.

А ибсеновскія изображенія внутренней драмы современнаго человѣка! *).

---

*) См. *Мережковскій*, Вѣчные спутники. Ибсенъ. С.П.Б. 1907.

Чеховъ и Чайковскій.

Сравниваютъ Чехова съ Чайковскимъ, хотя неудачнѣе сравненія трудно и придумать. Я сопоставилъ бы ихъ съ единственной цѣлью—показать, какимъ долженъ былъ быть Чеховъ.

Чайковскій въ своихъ грандіозныхъ симфоническихъ произведеніяхъ отразилъ громадный масштабъ своей родины. Чайковскій это — представитель, и очень яркій, типичный, націи, знавшей великіе дни раскола. Экстатическое эмоціональное творчество Чайковскаго могло быть порождено лишь народной атмосферой, знавшей великій періодъ повальныхъ религіозныхъ увлеченій. Въ жилахъ геніальнаго композитора течетъ неподдѣльная кровь народа-страдальца. Какъ ни далекъ былъ онъ, чистый художникъ, отъ политики, но вобралъ въ себя протестующій духъ русскаго народа, его склонность къ тонкостямъ раскола и къ духовному мятежу.

А его влюбленность въ родину! „Отчего, — говоритъ Чайковскій,—простой русскій пейзажъ, отчего прогулка лѣтомъ въ Россіи, въ деревнѣ, по полямъ, по лѣсу, вечеромъ по степи, бывало, приводила меня въ такое состояніе, что я ложился на землю въ какомъ-то изнеможеніи отъ наплыва любви!

„Что касается русскаго элемента въ моей музыкѣ, т. е. родственныхъ съ *народной пѣсней* пріемовъ въ мелодіи и гармоніи, то это происходитъ вслѣдствіе того, что я выросъ въ глуши, съ дѣтства самаго ранняго проникся *неизъяснимой красотой характерныхъ чертъ русской народной музыки* (сравни чеховскихъ „Мужиковъ"!), что я до страсти люблю русскій элементъ во всѣхъ его проявленіяхъ, что, однимъ словомъ, я русскій въ полномъ смыслѣ этого слова *).

Два большихъ художника подошли къ этому самому „русскому элементу", одинъ вылилъ на него ушатъ грязи

*) Ср. А. П. Коптяевъ; Чайковскій, какъ явленіе.

и поспѣшно отошелъ прочь; другой любовно наклонился къ нему, поднялъ,—и элементъ явился у него преображеннымъ.

Таковы Чеховъ и Чайковскій.

Чеховъ и читатели.

„Знаете, сколько лѣтъ меня будутъ читать,—спросилъ однажды Чеховъ у П. А. Бунина,—и самъ же отвѣтилъ:—семь лѣтъ.

— Что вы!

— Ну, семь съ четвертью".

Изъ воспоминаній П. А. Бунина.

Послѣ всего сказаннаго невольно является желаніе точно установить предѣлы популярности Чехова. Предѣлы эти довольно тѣсны: если можно серьезно говорить о томъ, что извѣстная часть нашей интеллигенціи въ нѣкоторый періодъ подпала подъ вліяніе Чехова, то разгадать это явленіе не такъ трудно. Причины популярности Чехова это—причины, моральныя и соціологическія, успѣха пессимизма. На первомъ мѣстѣ здѣсь, конечно, реакція противъ былого оптимизма, затѣмъ угнетеніе, являющееся—на основаніи закона столь же вѣрнаго въ исторіи, какъ и въ физіологіи,—слѣдствіемъ чрезмѣрнаго напряженія чувства и экзальтированной вѣры въ идеальныя цѣли, изъ которыхъ многія оказались иллюзорными, призрачными и ошибочными.

Далѣе, умственное изнеможеніе, какъ результатъ разрушенія великихъ умственныхъ надеждъ, несостоятельности политическаго и соціальнаго идеала и банкротства чрезмѣрныхъ претензій нѣкоторыхъ эстетическихъ школъ. Наконецъ, разрушеніе религіозныхъ традицій и вѣрованій, которыя нѣкогда придавали красу и цѣну жизни.

Все это явленія, близкія одному лишь тонкому слою нашего общества и до огромной массы русскаго народа не относящіяся.

Мнѣ удалось сдѣлать рядъ интереснѣйшихъ наблюденій, когда я неоднократно читалъ Чехова въ нашей простонародной средѣ. Во всѣхъ случаяхъ я замѣтилъ, что простой народъ видитъ въ произведеніяхъ Чехова смѣшные эпизоды, не болѣе, и отнюдь не склоненъ обобщать выдуманную критикой и интеллигенціей его „руководящую идею". Другими словами, легкій юморъ Чехова импонируетъ простонародной аудиторіи, все же больное, вымученное, извращенное, тенденціозное и субъективное въ творчествѣ Чехова эту аудиторію совершенно не трогаетъ. Она не видитъ въ немъ *простой правды*, которая всегда такъ трудно поддается фальсификаціи.

Констатируя упадокъ интереса къ Чехову со стороны верховъ современнаго русскаго общества, Пильскій *) объясняетъ это тѣмъ, что ослабѣлъ бытъ, который описывалъ Чеховъ: нѣтъ болѣе чеховскихъ ни почтоваго чиновника, ни учителя, ни офицера, ни вишневыхъ садовъ. Короче, умеръ чеховскій бытъ, который и раньше-то былъ еле живъ.

Жизнь смела старое, отказалась и отмахнулась отъ него, новое вошло въ наши души, новыя души стали у насъ. И та скрѣпа и привычка, которая звалась бытомъ, развинтилась, ослабѣла и упала".

Не значитъ ли это, спрошу я, что сбылось пророчество самого Чехова относительно судьбы его произведеній:—будутъ читать семь съ четвертью лѣтъ?

И дѣйствительно, искусственныя чеховскія настроенія могли имѣть только временное, преходящее вліяніе. Они—лишь симптомъ усталости индивида, который надорвался, лишь проявленіе индивидуальнаго и крайне субъективнаго отчаянія. Они были бы умѣстны въ дряхлѣющихъ, но не восходящихъ цивилизаціяхъ, какъ болѣзнь упадка. Продолжительными они во всякомъ случаѣ быть не могутъ.

Къ тому же и прежній бытъ у Чехова извращенъ.

---

*) „Свободныя Мысли", Іюнь 1907 г.

Чеховъ и критика.

И въ этой главѣ я буду кратокъ *).

Критическая литература о Чеховѣ въ значительной части отмѣчена печатью недомыслія. Большинство критиковъ усердно занимались толченіемъ воды въ ступѣ, рѣдко смотрѣли дальше своего носа и еще рѣже что-нибудь тамъ видѣли.

Чехова пережевывали, пересказывали, рьяно гонялись за красивой фразой, выдумывали и снова выдумывали. Впрочемъ, погоня за выдумкой среди нашихъ критиковъ—хроническая болѣзнь, на которую часто спекулируетъ бездарный беллетристъ: напишетъ вздоръ и разсчитываетъ на критику, она, молъ, вывезетъ, выдумаетъ. И вывозитъ. Такъ и въ критической литературѣ о Чеховѣ, въ ней слишкомъ много выдумки и слишкомъ мало сличенія съ натурой. Порой такія выдумки не идутъ дальше невиннаго желанія порисоваться, порой же онѣ становятся грубо тенденціозными и даже злостными, несмотря на ихъ легковѣсность.

Критикъ Волжскій договаривается до такого абсурда, что называетъ литературную работу Чехова *исторической* (sic!), *классической* (sic!) по широтѣ и смѣлости художественнаго синтеза.

Спросите г. Волжскаго, зачѣмъ ему понадобилось играть такими большими и серьезными словами, какъ „историческій“ и „классическій“? Можно подумать, что г. Волжскій принадлежитъ къ числу тѣхъ индивидовъ, которые въ обыденной рѣчи злоупотребляютъ терминами „грандіозный“, „колоссальный“ и т. д. Но вѣдь то обыденная рѣчь, а то литературная критика.

*) О Чеховѣ писали: Андреевичъ, Арсеньевъ, Айхенвальдъ, Александровичъ, Батюшковъ, Вогюэ, Волжскій, Волынскій, Гольцевъ, Елпатьевскій, Измайловъ, Карповъ, Меньшиковъ, Мережковскій, Михайловскій, Овсянико-Куликовскій, Скабичевскій, Сергѣенко, Струве, Чешихинъ, Чуковскій и др.

Проф. С. Н. Булгаковъ въ своей петербургской лекціи о Чеховѣ приписалъ ему (не въ угоду-ли демократически настроенной аудиторіи?) демократизмъ чистѣйшей воды, которымъ якобы проникнута каждая страница его произведеній.

Въ моихъ ушахъ это звучитъ такъ же странно, какъ если бы меня стали увѣрять, что Чеховъ—синдикалистъ-революціонеръ или членъ боевой организаціи союза русскаго народа, или что-нибудь въ этомъ родѣ. И я положительно не понимаю, зачѣмъ люди прибѣгаютъ не только къ фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ, но и къ фальсификаціи убѣжденій и взглядовъ своего ближняго. Я нисколько не въ претензіи на проф. Булгакова за то, что онъ радикально мѣняетъ свои собственныя убѣжденія, это его святая воля, сегодня онъ марксистъ, завтра—идеалистъ,—и пусть себѣ. Но зачѣмъ насиловать ближняго, а тѣмъ болѣе покойника? Это даже не деликатно. Демократизмъ это не пустой звукъ, и выдавать тому или иному индивиду патентъ на демократизмъ слѣдовало бы нѣсколько осмотрительнѣе.

„Неужели для жизни нужна толпа?!"—восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій Ничше. А въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ: „гдѣ народъ ѣстъ и пьетъ, даже гдѣ онъ поклоняется, тамъ всегда стоитъ вонь. Не слѣдуетъ ходить туда, гдѣ есть плебсъ, если хочешь дышать чистымъ воздухомъ".

„Жизнь есть источникъ радостей; но всюду, гдѣ пьетъ толпа, всѣ источники бываютъ отравлены".

Въ иныхъ выраженіяхъ и съ меньшимъ мужествомъ, но такъ же, по существу, оцѣниваетъ народъ и Чеховъ.

Въ чемъ же выражается его демократизмъ?

И отчего не назвать заодно демократомъ и Фридриха Ничше?

Вѣдь Ничше намъ по крайней мѣрѣ сказалъ, что „народъ есть окольный путь природы, чтобы дойти до шести—семи великихъ людей", а Чеховъ даже этого не сказалъ.

Критики этого не замѣтили, какъ не замѣтили, впрочемъ, очень многаго *), что важно и для писателя, и для читателя.

Въ результатѣ полное непониманіе основныхъ моментовъ творчества Чехова и необычайно пестрая его оцѣнка.

Одни называютъ Чехова объективнымъ художникомъ, который-де вполнѣ отрѣшился отъ личнаго отношенія къ воспроизводимой дѣйствительности; другіе утверждаютъ, что Чеховъ—поэтъ настроеній, художникъ-импрессіонистъ. Настроенія же всегда субъективны, а у больного человѣка—въ особенности.

А читатель слушаетъ всю эту разноголосицу и не можетъ уяснить себѣ, бытописатель Чеховъ или нѣтъ?

Одни критики видятъ во всей литературѣ Чехова сплошной безыденный жанръ, находятъ, что Чеховъ былъ безусловно чуждъ всему, чѣмъ жила и возвышалась молодая Россія, Россія будущаго; находятъ, что Чеховъ никоимъ образомъ не могъ явиться учителемъ жизни.

Другіе громко заявляютъ, что Чеховъ своей литературой совершилъ „великое историческое дѣло". Развилъ, укрѣпилъ, установилъ то распредѣленіе общественныхъ симпатій и антипатій, которое якобы такъ нужно нашей трудной эпохѣ. Не менѣе невѣжественно признаніе за произведеніями Чехова „великаго соціальнаго значенія".

Быть можетъ, именно эта пестрая разноголосица и дала Чехову поводъ говорить:

„Всѣ нынѣшніе гг. критики не стоютъ и гроша мѣднаго—въ высшей степени безполезный народъ..."

„Когда я читаю критику, то прихожу въ нѣкоторый ужасъ: неужели на земномъ шарѣ такъ мало умныхъ людей, что даже критики писать некому. Удивительно все *глупо*, мелко до пошлости".

---

*) Не замѣтили скрытыхъ симпатій въ Чеховѣ къ дворянской культурѣ. Съ распаденіемъ дворянской культуры, съ распродажей „Вишневыхъ садовъ" для Чехова какъ-будто „облетѣли цвѣты, догорѣли огни, непроглядная ночь, какъ могила темна".

И Чеховъ былъ правъ, ибо выдумка, чтобы не стать мелкой и пошлой, должна быть геніальной. А этого какъ разъ и не было. Зато были красивыя фразы:

„Читая разсказы Чехова,—пишетъ Волынскій *),—останавливаешься на *каждомъ* штрихѣ, ощущая подъ нимъ *глубокую*, важную, некричащую *правду*".

И читатель уже почти готовъ повѣрить г. Волынскому *на слово*. Но съ другого конца онъ слышитъ голосъ Н. К. Михайловскаго, который говоритъ **), что Чеховъ „пописывалъ, читатель почитывалъ; что Чеховъ самъ не живетъ въ своихъ произведеніяхъ, а такъ себѣ гуляетъ мимо жизни и, гуляючи, ухватываетъ то одно, то другое. Почему именно это, а не то? Почему то, а не другое? Отсюда поразительное безразличіе въ выборѣ темъ.

Чехову все едино, что человѣкъ, что его тѣнь, что колокольчикъ, что самоубійца".

И невольно у читателя возникаетъ сомнѣніе въ „правдѣ" г. Волынскаго, тѣмъ болѣе, что правду Михайловскаго подтверждаетъ и Мережковскій:

„Чеховъ говоритъ о самомъ святомъ и страшномъ такъ же просто, какъ и о самомъ обыкновенномъ, житейскомъ; о любви и о смерти—такъ же спокойно, какъ о лучшемъ способѣ „закусывать рюмку водки соленымъ рыжикомъ".

По Толстому и Достоевскому,—говоритъ Мережковскій,—можно судить о далекихъ возможностяхъ русскаго духа. Толстой и Достоевскій—выразители глубочайшей народной стихіи и высочайшаго культурнаго сознанія Россіи.

Ничего этого нѣтъ у Чехова.

„Чеховскій бытъ—одно настоящее, безъ прошлаго и безъ будущаго, одно неподвижно застывшее мгновеніе, мертвая точка русской современности, безъ всякой связи со всемірной исторіей и всемірной культурой... У Чеховскихъ героевъ бытъ безъ событій". И Мережковскій во-

*) Борьба за идеализмъ.

**) Сочиненія Н. К. Михайловскаго т. VI.

прошаетъ: „Эта пронзительно унылая свирѣль (чеховскаго творчества) Луки Бѣднаго—не самого-ли Антона Бѣднаго, Антона Чехова?“

И снова наростаетъ сомнѣніе въ „правдѣ“ г. Волынскаго.

А тутъ еще литературный критикъ Чуковскій говоритъ, что чеховскій геній не сумѣлъ благословить своей поэзіей твердое, увѣренное и цѣлесообразное начало жизни. Логика „чеховскаго сердца, карающаго всякую цѣлесообразность и закономѣрность, заставляетъ его какимъ то страннымъ образомъ связывать все прекрасное съ безцѣльностью и съ растерянностью, и въ результатѣ всѣ чеховскіе герои сотканы изъ нелѣпости, нецѣлесообразности и запутанности“.

И независимо отъ всякой литературной критики мы знаемъ, что въ русской жизни наблюдалось извѣстное теченіе, которое можно было бы охарактеризовать понятіемъ широкой пропаганды активнаго протеста противъ рутины и новыхъ идей и формъ общежитія.

Чеховъ совершенно не отразилъ намъ въ своихъ произведеніяхъ этой пропаганды.

Опять сомнѣніе въ „правдѣ“ г. Волынскаго и въ утвержденіи тѣхъ критиковъ, которые говорятъ, что въ произведеніяхъ Чехова „вся Русь безъ остатка“. Въ результатѣ мы видимъ, что Чеховъ томится „страшнымъ кошмаромъ футлярной современности“, мечтаетъ о другой жизни—„свѣтлой, прекрасной, изящной“, но не знаетъ опредѣленнаго пути, по которому можно было бы съ увѣренностью повести за собой читателя. Мужики—дрянь, отъ нихъ держись подальше, а дворяне вылетаютъ въ трубу, продаютъ свои „Вишневые сады“ и вообще банкротятся.

Не знали этихъ опредѣленныхъ путей и многіе литературные критики и не могли ихъ никакъ доискаться.

Тѣмъ не менѣе значеніе Чехова въ послѣдніе годы его жизни было раздуто до такой степени, что выходъ каждаго его новаго произведенія отмѣчался, какъ литератур-

ное событіе особой важности. Къ нему прислушивались и,—что непонятнѣе всего,—ожидали чего-то новаго, большого.

„Рано прекратилась эта жизнь, еще такъ много обѣщавшая,—писали по поводу смерти Чехова.

„Есть что-то роковое въ этой смерти,—говоритъ Ѳ. Д. Батюшковъ на страницахъ „Міра Божьяго“,—смерти, такъ неожиданно (!) подорвавшей надежды на „новое слово“, котораго дожидались отъ Чехова по мѣрѣ проясненія его міросозерцанія“.

Во всѣхъ этихъ ожиданіяхъ обнаружилась только та самая упрямая вѣра въ русскомъ человѣкѣ, которой не оцѣнилъ Чеховъ.

Чеховъ умеръ, а наша критика попрежнему осталась безъ надежнаго критерія. А между тѣмъ, только этотъ надежный критерій создастъ единую и незыблемую оцѣнку творчества Чехова и опредѣлитъ его значеніе въ нашей литературѣ.

Такимъ критеріемъ я считаю добросовѣстную, внимательную и глубокую провѣрку работы художника на конкретной дѣйствительности.

Чехову необходимо противупоставить Россію, съ ея прошлымъ, настоящимъ и видами на будущее. Противупоставить народъ съ его подспудными силами. И тогда только сказать: въ его произведеніяхъ вся Русь безъ остатка; своимъ „футляромъ“ онъ далъ „широчайшее обобщеніе русской дѣйствительности“.

Иначе сомнѣніямъ не будетъ конца.

Заключеніе.

Пишу заключеніе и снова думаю о томъ, что говорилъ въ началѣ книги:—что не сказалъ въ ней и сотой доли того, что имѣлъ бы и хотѣлъ сказать. И это такъ естественно: вѣдь моя книга о Чеховѣ въ сущности книга о Россіи и больше того книга о человѣкѣ и его жизни. Съ такой темой одному не справиться, этотъ трудъ долженъ быть коллективнымъ. И я убѣжденъ, что именно въ этомъ направленіи намъ предстоитъ серьезно работать, вооружившись менделѣевскимъ лозунгомъ: *„къ познанію Россіи“*. А параллельно съ этой работой сама собой будетъ слагаться переоцѣнка нашихъ литературныхъ цѣнностей.

Начать съ Чехова необходимо уже потому, что ни одинъ русскій художникъ слова не затемнилъ нашего быта и нашего національнаго духа въ такой степени, какъ Чеховъ.

Я никогда не стану оспаривать у него значительнаго художественнаго таланта, но убѣжденно скажу, что талантъ этотъ былъ дурно направленъ. Такіе случаи не рѣдки, и за примѣрами ходить не далеко, ими испещрена исторія, и среди современниковъ нашихъ можно было бы указать на цѣлую галлерею такихъ индивидовъ, безспорныя дарованія которыхъ лишены положительной окраски.

У Чехова была несомнѣнная способность подмѣчать и схватывать детали и частности, но общая идея у него всегда хромала. Поэтому было бы ошибкой развѣнчивать Чехова на всемъ пространствѣ его литературнаго творчества, умаляя его значеніе, какъ индивидуальнаго портретиста. Но нельзя самымъ энергичнымъ образомъ не протестовать противъ утвержденія, что Чеховъ „изъ индивидуальнаго портретиста сдѣлался авторомъ широкихъ картинъ общественной жизни и что нравственная проблема осложнилась для него проблемой соціальной“.

И вотъ обнаружить ложность его „руководящей идеи“ положительно необходимо.

Въ твореніяхъ Толстого, Тургенева, Успенскаго въ каждой строчкѣ, какъ солнце въ каплѣ воды, отражался весь укладъ того времени, отражался ничуть не меньше, чѣмъ въ публицистикѣ Салтыкова, Михайловскаго и др.

Не то у Чехова, у него нѣтъ живыхъ людей нашихъ дней, у него нѣтъ конкретныхъ типовъ нашего поколѣнія.

Чеховъ высмѣялъ и унизилъ Россію, но высмѣять и унизить вѣдь можно что угодно и кого угодно.

Заслуга писателя совсѣмъ не въ этомъ, наоборотъ, онъ долженъ возвыситься до уваженія человѣка.

Представить въ смѣшномъ видѣ можно и самого Чехова; указать смѣшное и жалкое въ его натурѣ и въ его жизни совсѣмъ не такъ трудно,—стоитъ только захотѣть...

Чехову не хватало пламенной и активной любви. Повергая впечатлительнаго и предрасположеннаго читателя въ ужасъ, онъ не изнемогаетъ подъ отвѣтственностью души, которой онъ не просвѣтилъ, и ума, котораго онъ не убѣдилъ.

Перефразирую одно мѣсто изъ письма „Неизвѣстнаго человѣка: „Чеховъ, смѣясь надъ русской дѣйствительностью, уподобился дезертиру, который позорно бѣжитъ съ поля битвы, но, чтобы заглушить стыдъ, смѣется надъ войной и надъ храбростью".

Говорятъ, что Чеховъ оставилъ намъ великій завѣтъ: непримиримость, непримиримость и непримиримость до конца".

Да, скажу я,—именно до конца, до того самаго конца, когда не остается ничего, какъ крикнуть: *конецъ націи!*

Такая непримиримость ничуть не лучше смертнаго приговора цѣлому народу!

Позвольте, читатель, сосредоточить, безъ комментарій, ваше вниманіе на нѣкоторомъ незыблемомъ положеніи, своего рода аксіомѣ: лучшее будущее можетъ возникнуть только изъ положительныхъ элементовъ прошлаго и на-

стоящаго. Чеховъ же не только не замѣчалъ въ русскомъ народѣ этихъ положительныхъ элементовъ, но сплошь и рядомъ прямо отрицалъ ихъ. Спрашивается, какъ же онъ могъ смотрѣть на наше будущее?

Старикъ изъ Фирсанова („Въ оврагѣ") говоритъ: „было и дурное и хорошее. Вотъ и помирать не хочется, еще бы годочковъ двадцать пожилъ; значитъ, хорошаго было больше..."

А Чеховъ находитъ, что хорошаго совсѣмъ нѣтъ.

Чрезвычайно любопытно одно мѣсто изъ письма Чехова къ А. Н. Плещееву, гдѣ онъ говоритъ про нѣкоего человѣка „шестидесятыхъ годовъ": „онъ клевещетъ на студентовъ, на гимназистовъ, на женщинъ, на писателей и на все современное и въ этомъ видитъ главную суть человѣка 60-хъ годовъ. Онъ скученъ, какъ яма, и вреденъ для тѣхъ, кто ему вѣритъ..."

А самъ Чеховъ?

Развѣ въ его писательствѣ не скрыта клевета? Развѣ онъ не скученъ, какъ яма, и не вреденъ для тѣхъ, кто ему вѣритъ?

Художникъ возвелъ кощунственную хулу на многомилліонный народъ, забывши про то, что у этого народа душа ребенка.

Чехову оказалось недостаточно правдивыхъ красокъ для изображенія нашей явной и скрытой дѣйствительности, и онъ прибѣгъ къ гиперболической фальсификаціи. Это большой писатель, которому не хватаетъ доказательности, это большой художникъ, злоупотребляющій эффектомъ!

И все это въ угоду горсти интеллигентовъ, забывшихъ про свою историческую отвѣтственность за судьбу народа.

Чеховъ не замѣтилъ моря желаній, ихъ вѣчно возрождающейся силы и небреборимаго стремленія нашихъ самыхъ напряженныхъ порывовъ и страстей.

Что же это за художественное творчество, которое остается равнодушнымъ къ такимъ вещамъ?

Тѣмъ хуже для него, если природа людей обширнѣе, выше и глубже, чѣмъ оно.

Жизнь не измѣнилась оттого, что на нее разсердился Чеховъ. И если между нашей дѣйствительностью и ея чеховскимъ воспроизведеніемъ произошло коренное разногласіе, то, конечно, вина здѣсь не на сторонѣ первой.

Чеховъ не видѣлъ и не слышалъ тѣхъ, которые страдаютъ („Крыжовникъ").

По Чехову, на Руси все тихо и спокойно, протестуетъ одна только нѣмая статистика.

Чеховъ однимъ росчеркомъ пера упразднилъ все русское протестанство,—отъ низовъ и до верховъ нашего общежитія.

Такъ же категорически отрицалъ онъ тысячу другихъ глубочайшихъ процессовъ и теченій въ нашемъ духовномъ, политическомъ и соціальномъ быту.

Когда больной Чеховъ говоритъ намъ, что жизнь скучна,—это не бѣда; но когда онъ шагъ за шагомъ, съ несомнѣннымъ и блестящимъ талантомъ начинаетъ подкапываться подъ чувство любви, дружбы, вѣры и счастья,—онъ совершаетъ преступленіе. Величіе художника вовсе не въ томъ, чтобы заражать инстинкты жизни тайнымъ ядомъ сомнѣнія.

Вѣра—сила жизни. Вѣра—это воля жизни. Чеховъ не зналъ, гдѣ и какъ найти эту вѣру, томился этимъ незнаніемъ и посягалъ на чужую вѣру.

Чеховъ открыто признается, что воспрянулъ духомъ, получивъ одобреніе Григоровича. Самъ же, вмѣсто одобренія, вмѣсто чуткаго вниманія и любви, посылалъ русскому обществу одно сплошное порицаніе. Сугубая ошибка; тенденціозность и непониманіе въ другомъ человѣкѣ его психологіи. Чехова похвалили, и онъ воспрянулъ; русское общество облаяли, а оно... что?

„Какое благотворное вліяніе имѣетъ вѣра въ человѣка, вѣра, которая вѣдь не остается мертвой; она воспитываетъ въ насъ великодушныя чувства и всегда побуждаетъ любить и уважать *каждаго* человѣка, каждаго! А это важно..." (Чеховъ. „Разсказъ стараго садовника").

Вспомните, какъ Скобелевъ на войнѣ обращалъ жалкихъ измочаленныхъ резервистовъ въ героевъ; онъ аттестовалъ ихъ „орлами“, и изнуренный мелкорослый солдатикъ совершалъ чудеса храбрости.

Похвала обязываетъ, порицаніе освобождаетъ.

Чеховъ всей своей литературой высказалъ порицаніе цѣлому народу, и было бы въ высокой степени наивно приписывать такой литературѣ воспитательное значеніе.

Поэтому любопытно установить, явилась ли смерть Чехова „вѣчно печальной утратой?“ На этотъ вопросъ можно отвѣтить только вопросомъ; чего собственно еще ждали отъ Чехова? Семнадцатаго тома? Съ какимъ содержаніемъ? Съ какими настроеніями? Съ какой идеологіей? Съ какимъ символомъ вѣры? Что Чеховъ могъ прибавить къ тому, что онъ сказалъ и какъ онъ сказалъ?

Говорятъ, что Чеховъ умеръ на поворотѣ, расправляя крылья. Говорятъ: „вѣчно печальная утрата“.

Слова, слова и слова.

Болѣзнь Чехова не знала поворотовъ, она шла прямо и готовила ему весьма опредѣленныя крылья, которыхъ къ тому же и не приходилось расправлять, ибо они уже были расправлены.

Уходя въ другой міръ, Чеховъ произнесъ: *„я умираю... Ich sterbe...“* Это были его послѣднія слова.

Въ нихъ я хотѣлъ бы видѣть аллегорію: умеръ Чеховъ и вмѣстѣ съ нимъ канула въ вѣчность полоса отчаянія.

Пора увѣровать въ себя, въ народъ, въ силу и величіе національнаго генія. Въ этомъ вся будущность Россіи.

Довольно самоуниженія и самооплеванія. *Вредно это и оскорбительно.*

Литературно-художественный отдѣлъ Т-ва „УЛЕЙ“.

Анаталій Каменскій, **Женщина.** Памяти Отто Вейнингера. 30 к.

Франциска Манъ, **Дѣти.** 60 к.

Разсказы: Прологъ.—Какъ Гюнтеръ потерялъ Бога. — Бѣдные люди. — Отецъ уѣзжаетъ. — „Чудный край“. — Гильда. — Пострѣлъ. — Никто не плачетъ. — Альфредъ. — Отчего?

Выдающееся по идейности произведеніе германской изящной литературы текущихъ дней.

Золотая книга для матерей всѣхъ возрастовъ и состояній.

Съ глубокимъ интересомъ прочтетъ ее каждый, кто не мирится съ уродливымъ положеніемъ ребенка въ семьѣ и обществѣ, кто вѣритъ въ прогрессъ народа и конкретно переноситъ эту вѣру на дѣтей.

Въ разсказахъ Франциски Манъ слышится, какъ благовѣстъ, призывъ къ реформѣ, и самъ собой слагается въ душѣ протестъ.

Беатриса Харрадэнъ, **Корабли, проходящіе ночью.** Идейный романъ. Съ англійскаго Сердечной. 60 коп.

Тонкій психологическій анализъ сокровенныхъ движеній человѣческаго сердца. Правдивая исторія глубокаго одиночества человѣка. Обиліе оригинальныхъ мыслей и блестящее остроуміе.

М. Невечеря, **Разсказы**, ц. 1 р.

Содержаніе: Холодная идиллія. Враги. Ошибка. Какъ все. На нихъ глядѣли миріады звѣздъ. Послѣ болѣзни. Вечеръ на югѣ. На бульварѣ. Домашній учитель. Нескромно. Рабы. Волна. Стихія. Въ городъ! Тоска.

„Разсказы“ М. Невечери—рядъ крошечныхъ разсказовъ и очерковъ, исключительно идейныхъ, **очень талантливо и живо** написанныхъ“. („Полтавскій Вѣстникъ“)

„Шестнадцать разсказовъ впервые появившагося писателя написаны хорошимъ литературнымъ стилемъ“.

(„Тифлисскій Листокъ“).

Густавъ Снельманъ (псевдонимъ), **Сны туриста.** (Сим-

волизированные очерки европейской общественности). 60. к.

Отъ Автора. Сонъ въ Вѣнѣ. Сонъ въ Люцернѣ. Сны въ Парижѣ. Сонъ на Рейнѣ. Сонъ въ Берлинѣ. Сонъ въ Средиземномъ морѣ.

Книгу отличаютъ: оригинальность литературной формы, широкій идейный размахъ, глубина мыслей вмѣстѣ съ ихъ свѣжестью и новизной и блестящій стиль.

(Л. С. Б.).

„Много путешествовавшій и хорошо знакомый съ западноевропейской жизнью г. Снельманъ задался цѣлью въ **художественныхъ** картинахъ передать душу, характерныя типическія особенности нѣкоторыхъ національностей. Планъ интересный и обширный... Два очерка „Сонъ въ Берлинѣ“ и „Сонъ на Рейнѣ“ выдѣляются изъ ряда другихъ **яркостью, остроуміемъ** и настоящей типичностью. Бесѣда Фридриховъ около статуи Бисмарка передъ рейхстагомъ полна **живости** и **проникновеннаго юмора.** Красива картина „Сна на Рейнѣ“ гдѣ послѣ образа поэтической Лорелеи авторъ созерцаетъ мѣдную безглазую статую, фетиша націонализма, изъ за котораго кровь сосѣднихъ народовъ обильно поливаетъ прирейнскія провинціи Эльзасъ и Лотарингію. Издана книга недурно“.

(„Голосъ Москвы“).

„Въ каждомъ снѣ читатели найдутъ точную обрисовку духа той или иной страны, которую посѣщаетъ туристъ. Читаются сны **живо“.**

(„Рязанскій Вѣстникъ“).

„Въ оригинальной формѣ авторъ дѣлится съ читателями своими впечатленіями. Удачно схвачены характерныя черты обитателей такихъ міровыхъ центровъ, какъ Парижъ и Берлинъ; въ символической формѣ переданы также нѣкоторыя теченія общественной жизни. Написанные красивымъ, изящнымъ слогомъ, съ чуть замѣтной фантастической окраской, разсказы эти читаются **съ удовольствіемъ, легко и свободно**“.

(„Виленскій Вѣстникъ“).

„Сны туриста,—исколесившаго свѣтъ и дѣлящагося съ читателемъ своими впечатлѣніями относительно жизни и главнымъ образомъ философской сущности этой жизни въ различныхъ столицахъ и уголкахъ Европы,—читаются **съ интересомъ** и оставляютъ **сильное впечатлѣніе**“.

(„Полтавскій Вѣстникъ“).

Свирскій, **Забракованный**. 3 коп.
Франко, **Цыгане** 3 коп. } Разсказы.

В. Нелединскій, **Царица-Гвоздика.** Сказка въ лицахъ, въ стихахъ для дѣтей. Роскошное изданіе, ц. 30 к.

Изящная, живая и разумная сказка г. Нелединскаго явится несомнѣннымъ вкладомъ въ необычайно скудную литературу нашего родного дѣтскаго театра. Юные „артисты“ пошлютъ автору сказки искреннее спасибо.

Популярное естествознаніе.

Вильгельмъ Бёльше, **Побѣда жизни.** Съ 11 нѣмецк. изданія. 60 к.

Въ теченіе многихъ милліоновъ лѣтъ на землѣ идетъ жестокая борьба. Жизнь въ образѣ растенія, животнаго и человѣка покорила себѣ эту планету. Окруженная тысячами препятствій среди разнообразныхъ опасностей, она все-таки въ концѣ-концевъ одержала побѣду. Эту-то міровую борьбу, величайшую изъ всѣхъ, которую мы знаемъ, и рисуетъ намъ книжка Бёльше,— рисуетъ въ художественной формѣ, посредствомъ непрерывнаго ряда послѣдовательно связанныхъ между собою, построенныхъ на научномъ основаніи и въ то же время высоко поэтическихъ картинъ. Передъ читателемъ развертывается необычайно величественная, охватывающая всю вселенную, панорама: земля появляется передъ нами сперва въ видѣ звѣзды среди необъятнаго мірового пространства. Мы мчимся къ этой звѣздѣ, уцѣпившись за метеоритъ. Въ то время, какъ осколокъ чужого міра, попавъ въ атмосферу земли, воспламеняется и разлетается въ дребезги, подъ нами внезапно появляется океанъ, какъ огнемъ озаренный морскимъ свѣченіемъ. Это свѣченіе воды зависитъ отъ живыхъ существъ. Такимъ образомъ мы вступаемъ въ область жизни. Мы опускаемся въ мрачныя бездны глубокаго моря, къ свѣтящимся рыбамъ. Черезъ дѣвственные подводные лѣса водорослей поднимаемся мы снова наверхъ до прекрасныхъ пестрыхъ коралловыхъ луговъ. Мы углубляемся въ почву коралловаго острова, воздвигнувшагося на останкахъ жизни, мы проникаемъ въ подземныя пещеры, къ слѣпымъ жукамъ, къ грома-

днымъ ископаемымъ первобытнаго міра, скелеты которыхъ покоятся среди каменныхъ породъ. Изъ этихъ пещеръ мы попадаемъ на глетчеры ледниковаго періода, къ мамонтамъ и до-историческому человѣку. Стихійныя силы потрясаютъ земной шаръ, грозятъ зародившейся на немъ жизни смертью и гибелью. Тогда жизнь выдвигаетъ высшее, что есть въ ней: человѣческое сознаніе. Изъ пустыни, гдѣ вымерла всякая жизнь, выходитъ человѣкъ, читающій по звѣздамъ и возвѣщающій вѣчные нравственные законы. Такимъ образомъ высшимъ проявленіемъ побѣды жизни является торжество человѣка, духъ котораго въ новомъ высшемъ смыслѣ подчинилъ себѣ всю землю, отъ экватора до полюса. Авторъ призвалъ на помощь все свое умѣніе и искусство, чтобы съ особенной ясностью представить такое мѣсто человѣка въ общей картинѣ міра. Этимъ онъ придалъ своему произведенію глубокій философскій смыслъ и сдѣлалъ его какъ бы программой, выражающей его міросозерцаніе.

„Въ короткій срокъ книга выдержала въ Германіи **одиннадцать** изданій. Бѣльше раскрываетъ яркія и величественныя картины жизни. Мыслитель и ученый слился здѣсь воедино съ талантливымъ художникомъ. „Побѣда жизни“ написана такъ увлекательно, полна такихъ смѣлыхъ сопоставленій и блестящихъ обобщеній, что является настоящимъ поэтическимъ произведеніемъ. Книга читается съ захватывающимъ интересомъ и, закрывая ее на послѣдней страницѣ, испытываешь желаніе снова и снова вернуться къ ней“. (Отзывъ „Слова“).

„**Frankfurter Zeitung**“ пишетъ: Мы безъ колебанія должны назвать „**Побѣду жизни**“ одной изъ прекраснѣйшихъ книгъ, когда-либо появлявшихся въ области популярнаго естествознанія.

Его же, **Горящіе камни.** Съ 6-го изданія. 50 к.

Новая книга Бѣльше отличается тѣми же крупными достоинствами, что и другія его поистинѣ замѣчательныя произведенія. Тутъ, какъ, впрочемъ, и вездѣ, этотъ необыкновенно одаренный человѣкъ съумѣлъ соединить строгую научность съ блестящей легкостью и простотой изложенія, глубокую философскую мысль съ яркой вдохновенной поэзіей, новизну и смѣлость обобщеній съ увлекательной художественной красотой. Читая книги Бѣльше, теперь уже по достоинству оцѣненныя европейскими учеными, не перестаешь удивляться тому обилію и разнообразію даровъ, которыми надѣлила его природа, а равно и его обширной эрудиціи, которая даетъ ему возможность ставить и освѣщать вопросы съ чрезвычайной глубиной и ясностью.

Образованіе каменнаго угля является величайшимъ событіемъ въ исторіи развитія растительнаго царства на землѣ. Сказочно-густые лѣса, населенные своеобразными первобытными животными, естественнымъ путемъ исчезаютъ, опускаются въ нѣдра земли, чтобы черезъ много милліоновъ лѣтъ снова выйти на свѣтъ Божій въ видѣ необходимаго фактора человѣческой культуры, въ видѣ могучаго вспомогательнаго средства въ дѣлѣ утвержденія господства человѣка надъ землей. Отдѣльные акты этой удивительной міровой драмы, авторомъ которой является сама великая мать-природа, только въ послѣднее время удалось освѣтить съ нѣкоторой ясностью. На основаніи важныхъ новѣйшихъ изслѣдованій Бёльше и рисуетъ картину каменноугольнаго періода,—картину, изображавшуюся уже не разъ, но всегда въ ошибочномъ видѣ. Бёльше не останавливается, однако, только на этой картинѣ. Каменноугольный лѣсъ превращается у него въ громадное генеалогическое дерево растеній, прорастающее и развѣтвляющееся сквозь всѣ эпохи исторіи земли,—великая параллель къ происхожденію и развитію животныхъ. Такимъ образомъ, исторія каменноугольнаго лѣса превращается въ исторію растительнаго царства, смѣло обрисованную въ ея крупнѣйшихъ чертахъ. Но въ эту исторію растенія входитъ исторія всей земли: смѣна воды и суши, грандіозныя колебанія температуры, новыя взаимоотношенія между растеніями и одновременно развивающимися животными. И исторія каменнаго угля охватываетъ собою, такимъ образомъ, исторію цѣлаго міра.

Давидсонъ, **Борьба въ природѣ**. 10 к.
(Изложеніе теоріи Дарвина).

Чижовъ, **Отъ лучины до электричества**. 15 к.

Березинъ, **Разсказы о томъ, какъ трясется земля.**

Его же, **Разсказы о лавинахъ и людяхъ, погребенныхъ подъ снѣгомъ**. 5 к.

„Новыя изданія Т-ва УЛЕЙ".

Тотоміанцъ, **Потребительныя общества. Исторія, теорія и практика**. 2-ое, совершенно переработанное, изд. 2 р.

Кечеджи-Шаповаловъ, **Кооперативные идеалы**. 25 к.

Гансъ Мюллеръ, **Какъ организовать потребительное общество**. 40 к.

Вернеръ, Зомбартъ, **Художественная промышленность и культура.** 60 к.

Проф. Фуксъ, **Политическая экономія.** 80 к.

Бенуа, **Государственный строй Франціи.** 50 к.

Проф. Наторпъ, **Логика.** Съ предисловіемъ И. И. Лапшина. 60 к.

Саламонъ, **Всеобщая исторія прессы. 1 р.**

Олимпіецъ, **Культъ тѣла.** 2-ое изд. (первое изданіе распродано въ теченіе шести недѣль). 60 к.

Л-ій, **Половой вопросъ въ воспитаніи юношества и въ обществѣ.** 20 к.

Паприцъ, **Общественныя и экономическія причины проституціи.** 25 коп.

Сорель, **Соціальное значеніе искусства.** 25 коп.

(Многочисленные отзывы о книгахъ русской и иностранной прессы помѣщены въ отдѣльныхъ каталогахъ).

Огромный подборъ книгъ по коммерческой литературѣ въ особомъ каталогѣ.

Литературно-Справочное бюро,

учрежденное Т-вомъ „УЛЕЙ“ въ 1907 г.,

выдаетъ справки по всѣмъ отраслямъ литературы, науки и искусства; простая справка—10 копѣекъ за названіе.

Обширный архивъ; библіографія минувшихъ годовъ и текущая.

Готовыя литературы по отдѣльнымъ вопросамъ.

Подробные проспекты высылаются по требованію за одну семикопѣечную марку.

Мѣста, на которыя Бюро выдавало справки.

(Выдержка изъ документовъ Бюро).

Армавиръ. Астрахань. Барнаулъ. Бутенково (Полтавск. г.). Брестъ-Литовскъ. Бугульма. Бирскъ. Березовка (Забайкальск. обл.). Балашовъ. Бѣлостокъ. Бѣжецкъ. Богородское (Нижег. г.). Бѣлгородъ. Болградъ. Вѣна. Вятка. Влоцлавскъ. Варшава. Вольскъ. Вязники. Вильна. Верхнеудинскъ. Владивостокъ. Вознесенскій Рудникъ (Екатер. г.). Воронежъ. Верхнеуральскъ. Грива-Семгалленъ (Курляндск. г.). Голый Карамышъ (Сарат. г.). Елецъ. Екатеринбургъ. Измаилъ. Іерусалимъ (Турція). Кашинъ. Казань. Кострома. Кондратовка (Курской г.). Керчь. Колки (Волынск. г.). Ляховичи (Минск. г.). Лѣсной. Луганскъ. Ловичъ. Меленки. Маріуполь. Москва. Ново-Свѣнцяны (Виленск. г.). Новомосковскъ. Нижній Тагилъ. Орловка (Ворон. г.). Омскъ. Оренбургъ. Острогожскъ. Порховъ. Петергофъ. Полтава. Пыталово. Перновъ. Парижъ. Пенза. Ровно. Сарапулъ. Ставрополь-Кавказскій. Серпуховъ. Сосница (ерниг. г.). Севастополь. Семипалатинскъ. Саратовъ. С.-Петербургъ. Тамбовъ. Тула. Тверь. Тедженъ (Закасп. обл.). Торковъ (Подольск. г.). Тифлисъ. Торнъ (Германія). Тетеревъ (Кіевск. г.). Урюпинская (Обл. В. Д.). Усть-Лаба (Кубанск. обл.). Харьковъ Харбинъ. Хабаровскъ. Царицынъ. Чаусы.

Цена 1-50
№ 196
НЛ-2

Складъ въ Т-вѣ „УЛЕЙ“.

С.-Петербургъ, В. О., 2 линія, 11.

ЦѢНА 60 КОП.

Обложка [illegible] въ [illegible] Я. [illegible] В. О. [illegible]